

Исчезнувший мир

Автор:

[Том Светерлич](#)

Исчезнувший мир

Том Светерлич

Смесь «Начала» и «Настоящего детектива», сплав научной фантастики и триллера. Напряженное расследование жестокого убийства приводит специального агента к ошеломляющему открытию...

Шеннон Мосс – специальный агент Следственного управления ВМС. Управление использует секретную космическую программу «Глубокие воды» не только для путешествий к звездам через «червоточины», но и для путешествий во времени. В 1997 году Мосс получает дело об убийстве семьи «морского котика» и похищении его дочери-подростка. Она обнаруживает, что «котик» был в экипаже одного из исчезнувших космических кораблей – «Либры».

Встревоженная совпадениями с ее собственным прошлым, Мосс отправляется в вероятное будущее, чтобы найти улики для раскрытия дела в настоящем. Простое убийство оказывается частью террористического заговора против программы по изучению и предотвращению Рубежа – апокалипсиса, возникающего в каждом варианте будущего. С каждым путешествием Мосс видит, что Рубеж наступает все раньше и он все ближе к ее реальному настоящему. Что связывает Рубеж и экипаж пропавшей «Либры»?

Том Светерлич

Исчезнувший мир

Посвящается Соне и Женевьеве

Как я сужу, пред вами разомкнуты

Сокрытые в грядущем времена,

А в настоящем взор ваш полон смуты.

Данте, Ад, песнь десятая[1 - Перевод М. Лозинского.]

Tom Sweterlitsch

The Gone World

* * *

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2018 by Thomas Sweterlitsch

© Н. Рокачевская, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

* * *

Пролог

2199

Ее предупреждали – она увидит такое, что окажется неподвластным пониманию. Зима, нескончаемая зима, она в мертвом лесу, и почерневшие от давнего пожара деревья покрыты изморозью, некоторые стволы повалились, образовав решетку из обугленных палок. Она уже много часов перебиралась через поля мертвых сосен, но скафандр сохранял тепло – тонкий костюм, позволяющий свободно двигаться. Скафандр был оранжевым, для новичков, ведь она впервые отправилась на прогулку по Земле далекого будущего. Куда ни глянь, в любую сторону, всюду схваченное морозом небо и заснеженная поверхность, только погибшие деревья торчат. Солнца два – бледный диск знакомого ей солнца и ослепительное белое сияние явления, которое инструктор называл Белая дыра. Когда-то эта местность была Западной Виргинией.

Она зашла далеко от базового лагеря и стала волноваться, найдет ли обратный путь к спускаемому квадро модулю, чтобы успеть к эвакуации. Дозиметр показывал полученную дозу белого излучения, цветное пятнышко за последние несколько часов сменило цвет с ярко-зеленого до цвета болотной тины. Это место ее заражало, воздух и почва здесь испаряли микроскопические частички металла, проходящие сквозь скафандр, прямо в тело. КТН, так называл их инструктор – квантово-туннельные наночастицы. Она спросила инструктора, что это за частицы – нечто вроде кучки роботов? Но он ответил, что они скорее как рак – внедряются в микротрубочки клеток, а когда их наберется достаточно, это конец. Нет, она не умрет, уточнил он, не совсем. Она еще увидит, что КТН делают с человеческим телом, сказал он, но, скорее всего, это зрелище вызовет у нее отторжение и отвращение, ей не захочется смотреть.

Одна из сгоревших сосен еще стояла, дерево побелело от слоя пепла, и когда она прошла мимо него, пейзаж вокруг изменился. Она по-прежнему была в

зимнем лесу, но деревья больше не были обугленными и сломанными. Сосны буйно зеленели, несмотря на снег. Ветви дальних сосен сгибались под тяжестью льда, их силуэты расплывались в снежной пелене. Как я сюда попала? Она оглянулась. Никаких следов, даже собственных. Я заблудилась. Она протискивалась сквозь ветки и хвою, совершенно обессилив от необходимости вытаскивать ноги из сугробов. Она миновала еще одно сгоревшее белое дерево, точь-в-точь как первое – мертвое, одни покрытые пеплом ветки, похожие на скелет. Или это то же самое дерево? Я хожу кругами, решила она. Перебираясь через корни и камни, скользя по снегу, пытаюсь найти хоть что-то знакомое, какую-нибудь известную точку пейзажа, она бросилась в просвет между соснами и вышла на поляну, на берег чернеющей реки. Увидев распятую женщину, она закричала.

Женщина висела вниз головой, и не на кресте – просто в воздухе, парила над черной водой. Ее запястья и лодыжки были охвачены пламенем. Грудная клетка растянута и выдавалась вперед, а тело исхудало до крайности, ноги в черных полосах гангрены. Ее лицо побагровело, налившись кровью, а очень светлые волосы свисали до самой воды.

В распятой женщине она узнала себя и упала на колени на берегу черной реки.

Это все проделки КТН, решила она. Какая мерзкая бессмыслица. Они во мне, заставляют все это видеть...

При мысли о КТН в ее клетках, в ее мозге, накатила паника, но она все же понимала, что это не галлюцинации, распятая женщина реальна, так же реальна, как она сама, как река, лед и деревья. Она подумывала снять женщину, но от ужаса не могла к ней прикоснуться.

Дозиметр сменил болотный цвет на горчичный, и она побежала, включив аварийный маячок, пытаясь вспомнить, где место эвакуации, но лес у реки был незнаком, она заблудилась. Она пошла обратно по своим следам, борясь с ледяным ветром, поскользываясь в снегу. Прошла мимо еще одного белого дерева, идентичного прежним – или нет, наверное, это одно дерево... обгоревшая сосна, кора скована панцирем пепла. Горчичное пятно на дозиметре потемнело до цвета красноватой глины.

«Нет, нет, нет», – подумала она и снова побежала, подныривая под спутанными ветками. Дозиметр вспыхнул ярко-красным. Нахлынула тошнота, и она рухнула, пригвожденная тяжестью собственной крови. Она поползла вперед, через прогалину между деревьями, и обнаружила, что снова на поляне, у берега черной реки, где ее распяли, только теперь здесь висели тысячи распятых тел, парили вверх тормашками над всей рекой. Обнаженные мужчины и женщины голосили под лучами двух солнц.

– Что это значит? – спросила она вслух, не обращаясь ни к кому конкретно.

Зрение затуманилось, она пыталась глотнуть воздуха. Когда в небе что-то вспыхнуло, она решила, что теряет сознание, но это были огни квадромодуля под названием «Тесей». «Аварийный маячок, – решила она. – Меня спасут».

Квадромодуль подпрыгнул и приземлился на лед поляны.

– Сюда, – сказала она, но голос совсем ослаб. Она попыталась закричать: – Я здесь!

Из люка вылезли два человека в оливковых флотских скафандрах и пошли к реке.

– Я здесь, – повторила она, но они были слишком далеко и не слышали.

Она попыталась выползти из леса, хотела побежать к ним, но не было сил встать. Два человека вошли в реку по бедра и стащили парящую в воздухе женщину. Они завернули ее в толстое одеяло.

– Нет, я здесь, – сказала она, глядя, как они несут в спускаемый модуль распятую женщину, другую версию ее самой.

– Я здесь, прошу вас...

Пятно на дозиметре потемнело до бурого, еще одна перемена цвета – и будет черный, смертельная доза. Она закрыла глаза и стала ждать.

* * *

Она очнулась от толчка включившейся тяги, словно от удара лошадиного копыта, и поняла, что находится в отсеке квадромодуля, руки и ноги привязаны к койке, голова и шея лежат на подушке. Она окоченела и дрожала, несмотря на одеяла, привязанные к койке по углам. Перегрузка от вертикального взлета ослабла, сменившись невесомостью.

– Пожалуйста, вернитесь, – сказала она. – Я еще там, вернитесь, не бросайте меня...

– Все будет хорошо, мы тебя забрали, – сказал инструктор, подлетая к койке.

Он был уже в возрасте и седым, но голубые глаза выглядели юными. Когда он пощупал ее пульс, руки оказались очень нежными.

– Лодыжки и запястья будут болеть, – сказал он. – Не знаю, как это вышло, но у тебя ожоги. А еще облучение и обморожение. Гипотермия.

– Вы забрали не то тело, – сказала она, припоминая, что видела себя, ползущую в лесу в оранжевом скафандре новичка. – Ты должен мне поверить, прошу тебя. Я еще там. Пожалуйста, не бросай меня...

– Нет, ты на «Тесее», – ответил инструктор. – Мы нашли тебя в лесу. – Он был в синих спортивных трусах, белых гольфах до колен и футболке морской полиции. – Ты в замешательстве. Это КТН сбивают тебя с толку. Они у тебя в крови. Опасный уровень.

– Не понимаю. – Она попыталась вспомнить, но в голове все расплывалось. – Что у меня в крови? Я не знаю, что такое КТН.

Зубы клацнули, она задрожала. Руки и ноги скрутила боль, как будто дернули за обнаженные нервы, но пальцы не шевелились. Она вспомнила, как сняла у реки скафандр и скинула одежду. Вспомнила обжигающий лед на плечах. Вспомнила пламя на запястьях и лодыжках. Вспомнила, как висела вниз головой над бегущей черной водой – может, несколько часов, а может, и дней. Когда она увидела себя, появившуюся из леса, то мечтала о смерти.

– Я не понимаю, – повторила она, вскрикнув от боли.

– Сейчас главное – справиться с гипотермией и обморожением, – сказал инструктор, подлетая ближе к ее ногам. Он отогнул одеяло и осмотрел их. – Ох, Шэннон. Ох...

Она подняла голову и увидела свои ноги – черно-багровые и распухшие, а в других местах кожа пожелтела и шелушилась.

– О боже, нет! Нет, только не это, – охнула она.

Ей показалось, что это чужие ноги, чьи угодно, только не ее. Кто-то засунул между пальцами ног ватные тампоны. По левой ноге протянулись фиолетовые полосы. Инструктор протер ногу влажной тканью, но Шэннон не чувствовала воду, даже когда та потекла по пальцам и рассыпалась в воздухе стеклянными бусинками.

– На твой разум и воспоминания повлияла гипотермия, – объяснил он. – Тебя вытащили младший лейтенант Стилвел и старшина Алексис и поместили сюда. Тебя больше там нет, ты здесь. В безопасности.

– Я их не знаю, – сказала она.

Имена звучали незнакомо. Квадромодуль пилотировали старший лейтенант Раддикер и старшина Ли – и никакого Стилвела. В иллюминаторе виднелась Земля, теперь уже далекая, мраморно-белая из-за тумана и льда. Шэннон задумалась о собственном теле в скафандре, умирающем где-то в лесу, однако скафандр висел в шкафчике отсека – ярко-оранжевый, как охотничий камуфляж. Что со мной происходит? И хотя запястья и лодыжки были замотаны бинтами и пахли мазью, кожа горела, словно ее опалили кислотой.

– Больно, – сказала она. – Как же больно.

– Мы сообщим врачам о твоём прибытии, – заверил инструктор. – Как только корабль встанет в док, они тобой займутся.

– А что... что там, внизу? Что со мной случилось? Я висела... Все они...

– Ты видела распятых над рекой людей. Я тоже их видел, много раз, когда изучал Рубеж, мы называем их повешенными. Этим людям распяли КТН. И тебя распяли они.

– Ты сказал, они в моей крови. Вытащите их из меня, вытащите...

– Шэннон, мы же об этом говорили. Мы не можем их вытащить. Это объясняли на тренировках. Я думал, ты готова. Я предупреждал тебя о них.

– Нет, не предупреждал, – сказала она, пытаюсь сосредоточиться вопреки пульсирующей в запястьях боли. Воспоминания путались и расплывались... Она помнила, что отправилась в Глубины времени на корабле «Уильям Маккинли», в 2199 год, точнее, в один из бесконечного множества вероятных 2199-х, почти на два века вперед. Когда они прибыли, над Землей висело излучающее бледное сияние второе солнце, и это поразило весь экипаж. Никто не знал, что это за бледный свет. Никто не предупреждал их о КТН и повешенных.

– Ты говорил, что отвезешь меня домой, вот что ты говорил.

– Шэннон... – беспомощно сказал инструктор и снова обтер ее ноги. – Не знаю, что и сказать. Гипотермия может вызывать амнезию. Возможно, когда ты поправишься...

– Подходим к «Уильяму Маккинли». Готовьтесь к стыковке, – раздался по громкой связи незнакомый голос.

Она вспомнила, как под ней текла черная вода. И снова посмотрела на свои ноги. К правой ноге начал возвращаться нормальный цвет, а левая по-прежнему оставалась черной, темные полосы тянулись вверх. От этого зрелища ее затошнило.

– Что это такое? Эти КТН, которые у меня внутри? – спросила она, борясь с замешательством. – Пусть ты и утверждаешь, что говорил об этом раньше.

– Мы не знаем, откуда они взялись или чего хотят. Может, вообще ничего не хотят. Квантово-туннельные наночастицы. Мы считаем, что они из другого измерения, проникли через Белую дыру, то второе солнце. Когда-то в будущем.

И из-за этого возникло явление, которое мы называем Рубеж.

- Распятые люди.

- То мгновение, когда человечество перестало существовать. Никто не выжил. По крайней мере, в общепринятом смысле. Есть повешенные, но есть и бегуны. Миллионы собираются в толпы и бегут, пока не распадутся тела или пока они не утонут в океане. Некоторые копают ямы и умирают в них. Некоторые стоят, обратив лица к небу, а из их ртов течет серебристая жидкость. Они выстраиваются в ряд на пляжах и занимаются чем-то вроде аэробики.

- Почему?

- Мы не знаем, почему или для чего. Может, цели вообще нет.

- Но ведь это просто одна из версий будущего, - сказала Шэннон, представляя, как в крови двигаются КТН, словно паразиты. - Лишь одна из бесконечного числа возможностей. А значит, есть и другие возможности, другое будущее. Рубеж совершенно необязательно произойдет.

- Рубеж - это сумерки, сгустившиеся над будущим нашего вида, - ответил инструктор. - Мы видели его во всех временах, куда отправлялись. И он приближается. Сначала мы отнесли это событие к 2666 году, но во время следующего путешествия обнаружили, что Рубеж приблизился до 2456 года. А с тех пор дошел до 2121 года. Как видишь, Рубеж похож на движущееся лезвие гильотины. Флот получил задание найти выход из сумерек, а наша задача - служить флоту. Все, чему я тебя научу, все, что ты увидишь, все это - чтобы спасти наш вид от Рубежа. Мы должны найти способ избежать этих сумерек.

- И что еще я увижу?

- Конец света.

Часть первая

1997

Глава 1

– Алло.

– Специальный агент Шэннон Мосс?

Она не узнала голос мужчины, но узнала манеру растягивать гласные. Он вырос здесь, в Западной Виргинии, а может, в глубинке Пенсильвании.

– Мосс слушает, – ответила она.

– Убили семью. – Голос слегка дрогнул. – Сразу после полуночи в округе Вашингтон зарегистрирован звонок по 911. И еще пропала девушка.

Даже в два часа ночи новости оказали эффект холодного душа. Она полностью проснулась.

– С кем я говорю?

– Специальный агент Филип Нестор, – представился он. – ФБР.

Она включила лампу у кровати, осветив кремовые обои с рисунком из виноградных лоз и васильковых розочек. Мосс задумчиво рассматривала извивы узора.

– Почему подключили меня? – спросила она.

– Я так понимаю, что наш босс связался с руководством, и ему велели пригласить вас, – сказал Нестор. – Хотят, чтобы присоединилось Следственное управление ВМФ. Главный подозреваемый – флотский спецназовец.

- Где?

- Канонсберг, улица Крикетвуд-Корт, рядом с Хантерс-Крик, - ответил он.

- Хантинг-Крик.

Она знала Хантинг-Крик и Крикетвуд-Корт, там жила ее лучшая подруга детства Кортни Джимм. Образ Кортни всплыл в памяти Мосс, как лед на водную поверхность.

- Сколько жертв?

- Трое убитых, - сказал Нестор. - Просто жуть. Я никогда...

- Помедленнее.

- Однажды я видел, как нескольких ребят сшиб поезд, но ничего похожего на это.

- Ладно. Так говорите, звонок поступил после полуночи?

- Почти сразу после, - сказал Нестор. - Соседка услышала какой-то шум и все-таки вызвала полицию.

- Кто-нибудь поговорил с соседкой?

- Сейчас с ней один из наших ребят.

- Приеду где-то через час.

Вставая, она с трудом удержала равновесие - правая нога осталась стройной, мускулистой ногой спортсменки, а левая чуть выше колена заканчивалась культей, кожа и мышцы на ней были свернуты, как слоеная булочка. Мосс потеряла ногу много лет назад, когда ее распяли в зиму Рубежа. Бедренная ампутация, флотские хирурги отрезали пораженную гангреной часть. Стоя на одной ноге, Мосс выглядела как длинноногая водоплавающая птица и,

балансируя на пальцах, нашла точку равновесия. Костыли стояли рядом, между кроватью и тумбочкой. Она продела руки в опоры, схватилась за ручки и прошла по комнате с раскиданной повсюду одеждой, журналами, CD-дисками и пустыми шкатулками из-под украшений, рискуя поскользнуться, о чем предупреждал врач.

Крикетвуд-Корт...

При мысли о возвращении туда Мосс поежилась. В школе они с Кортни были как сестры, с самого первого класса, даже ближе сестер, неразлучными. Вместе с Кортни в памяти всплывали чудесные летние дни детства – бассейн, американские горки в Кеннивуде, совместно выкуренные сигареты на берегу Чартьерс-Крика. Кортни погибла, когда училась в выпускном классе – ее убили на парковке ради нескольких долларов в кошельке.

Одеваясь, Мосс включила новости по телевизору в спальне. Она нанесла на культу антиперспирант и натянула полиуретановый рукав, раскатав его до бедра, как нейлоновый чулок. Она разгладила эластичный рукав, чтобы между ним и кожей не осталось пузырьков воздуха. Компьютеризированный ножной протез фирмы «Отто Бок» изначально разрабатывался для раненых солдат. Мосс сунула ногу в протез и встала, бедро заняло весь объем углепластиковой гильзы и выдавило из нее воздух, запечатав протез вакуумом. С протезом она чувствовала себя так, будто выставила напоказ скелет – стальную голень вместо кости. Она надела свободные брюки и жемчужного цвета блузку. Положила в кобуру штатное оружие. Накинула замшевую куртку. Последний взгляд в телевизор: овечка Долли прячется среди соломы загона, Клинтон расхваливает только что подписанный запрет на клонирование человека, реклама предстоящего баскетбольного матча по «ЭнБиСи», Джордан против Юинга.

* * *

Крикетвуд-Корт заканчивалась тупиком, вспышки сирен освещали ряды домов и лужайки. Четверть четвертого ночи, и соседи точно знают – что-то случилось, но пока не знают, что именно, а если высунутся в окна, то увидят лишь мешанину из патрульных машин, автомобилей шерифа, полицейского департамента Канонсберга и полиции штата, в общем, всей паутины служб, прибывающих до федеральных агентов. Дела, которыми занималась Мосс, обычно касались служащих Космического командования ВМФ на побывке после «Глубоких вод» –

секретных миссий в Глубины космоса и Глубины времени.

Драки в барах, домашнее насилие, наркотики, убийства. Она занималась моряками космофлота, которые избивали жен или подружек до смерти, – трагическими случаями. Некоторые моряки, увидев ужасы Рубежа или свет чужого солнца, пускались во все тяжкие. Она гадала, что обнаружит здесь. Неподалеку припарковался фургон окружного коронера. «Скорые» и пожарные машины простаивали. Передвижная криминологическая лаборатория ФБР уткнулась в тротуар перед лужайкой у дома ее старой подруги.

– Господи...

Дом из ее детских воспоминаний будто накладывался на теперешний – два фильма проигрывались одновременно, память и сцена преступления. Семья Кортни давно переехала, и Мосс никогда не думала, что снова войдет в дом старой подруги, уж точно не при таких обстоятельствах. Другие дома в ряду служили словно зеркальным отражением двухэтажного здания, у каждого подъездная дорожка, небольшой гараж, крыльцо залито светом единственного фонаря, все фасады одинаковы – кирпич и белый винил сверху.

В детстве Мосс, как ей казалось, проводила здесь больше времени, чем в собственном доме, она до сих пор помнила старый номер телефона Джиммов. Одна прилипчивая реальность проникала в другую, как будто желток выливался через трещину в скорлупе. Мосс отхлебнула кофе из термоса и потерла глаза, чтобы проснуться, пытаясь убедить себя, что с домами – это совпадение, ей это не снится. Совпадение, сказала она себе. Раньше в палисаднике рос цветущий кизил, но с тех пор его срубили.

Мосс остановила свой пикап рядом с перегоревшей дорожкой машины шерифа, и его помощник подошел к ее окну – выпирающее брюшко и усы в стиле Чарли Чаплина придали бы ему забавный вид, если бы не усталые глаза. Он хотел развернуть ее обратно, пока она не опустила окно и не показала документы.

– Что это? – спросил он.

– Следственное управление ВМФ, – сказала она, уже привыкнув разъяснять аббревиатуру своего агентства. – Федеральный агент. Нас интересуют возможные связи с военными. Там и правда все так ужасно?

– Мой приятель туда заходил и сказал, что ничего ужаснее еще не видел, просто полный кошмар, – ответил он, дохнув запахом кофе. – Говорит, от них мало что осталось.

– Репортеры уже появились?

– Пока нет, – ответил он. – Вроде несколько фургонов теленовостей едут из Питтсбурга. Вряд ли они понимают, что здесь обнаружат. Совсем даже наоборот. Идемте.

Полицейская лента отгораживала подъездную дорожку и лужайку, протянувшись от фонарного столба и загибаясь на заборчик из кованого железа. У гаража столпились криминалисты, устроив перекур. Они смотрели на приближающуюся Мосс без обычного сексизма или откровенных взглядов, с чем она частенько сталкивалась на местах преступлений, сегодня их глаза были затуманены, они смотрели как будто с жалостью, ведь сейчас ей придется все это увидеть.

Дверной проем был завешен полиэтиленом, но запахи ударили ей в нос, как только она нырнула внутрь, – приторная вонь крови, разложения и дерьма смешивалась со зловонием химических растворов криминалистов, банок с этанолом для сбора образцов. Запахи просачивались в нее, и слюна мгновенно обрела привкус меди, словно Мосс сосала монетку. В прихожей столпились криминалисты в спецкостюмах, упаковывали улики и фотографировали. За мгновение до того, как Мосс увидела сцену преступления, ее охватило тревожное предчувствие. Но как только она повернула за угол и увидела, с чем предстоит иметь дело, нервозность улетучилась и сменилась печальной решимостью как можно быстрее собрать сломанные куски головоломки.

На полу лежали мальчик и женщина, лица превращены в мешанину мозгов, крови и осколков костей. На мальчике были фланелевые штаны и толстовка – пижама. Мосс решила, что ему лет десять-одиннадцать. Ночная рубашка женщины была в крови, голые ноги синюшные, местами багровые. Внутренности у обоих были вынуты, а на пол вылилось столько крови и дерьма, что они неровными ручейками стекали с ковра. От вони Мосс чуть не задохнулась. Исходящий от мальчика и его матери запах, дерьмо и бесформенность лишают их человеческого облика, подумалось Мосс.

Мосс давно уже научилась диссоциативной технике и умела смотреть на трупы под разным углом, отделяя изувеченные тела как можно дальше от личностей, которыми они когда-то были, она смотрела на собравшихся вокруг коллег через призму человека, а на тела – через призму криминалиста. Мосс воспринимала трупы как вещественное доказательство. Женщину убили одним или двумя ударами по голове, либо по левой скуле, либо по теменной части с той же стороны. Левый зрачок женщины расширился до размеров черного блюдца. Мосс отметила, что у мальчика содраны все ногти. И, судя по всему, на ногах тоже.

Она проверила женщину и обнаружила, что ее ногти тоже удалили. Кто-то – несомненно, мужчина – убил этих людей, а потом встал на колени прямо в кровь, чтобы выдернуть ногти. Или он выдернул ногти до убийства? Зачем? Один из криминалистов протягивал нити от кровавых брызг на потолке и стенах, создавая паутину, очерчивающую точки схождения – судя по всему, во время удара жертвы стояли на коленях. Похоже на казнь. Комната, в которой они погибли, была простой и безвкусной, ничего похожего на ту, где когда-то бывала Мосс, – уютную, похожую на пещеру гостиную семьи своей подруги. Теперь, в отблесках света, стены напоминали по цвету овсянку. А на них пусто – ни картин, ни фотографий, комната выглядела нежилой, как будто обставлена для продажи.

– Шэннон Мосс?

Один человек в спецкостюме отвлекся от работы. Его глаза так налились кровью, что казались алыми, темная кожа побледнела до пепельного цвета, на маске протянулись две влажные полосы под ноздрями.

– Специальный агент из Следственного управления ВМФ, – представилась она.

Он пересек гостиную по стальным мосткам, установленным над кровью, как камни для переправы в ручье. Пожевав жвачку, он сказал:

– Специальный агент Уильям Брок, возглавляю расследование. Давайте поговорим.

Брок повел ее на узкую кухню, собравшиеся там люди уже сняли спецкостюмы, их рубашки и галстуки помялись после нескольких часов работы, лица осунулись от недостатка сна. Но Брок выглядел неутомимым, как будто готов сражаться,

пока не схватит убийцу. Провожая Мосс, он смотрел сердито, почти угрюмо, словно произошедшее здесь нанесло ему личное оскорбление. Он был крупным, баритон гулко звучал среди приглушенных голосов.

– Сюда, в этот закуток, – сказал он, открывая тонкую дверь-гармошку в отгороженную от кухни комнатку.

За прошедшие годы остальную часть дома бездушно обновили, но эта комнатка осталась прежней, практически нетронутой с тех пор, когда Мосс видела ее в последний раз. Это ее ошеломило – как будто время забыло об этом маленьком клочке. Панели под дерево, аляповатый абажур, окрашивающий комнату в янтарный цвет. Даже стол из ДСП и металлические офисные шкафы были похожи, если не те же самые. В одном шкафу Кортни как-то нашла связку писем, переписку родителей Кортни в процессе развода. Девочки сидели на веранде у входа и читали их друг другу вслух. Мосс поразились, насколько пылкими, почти ребяческими могут быть письма взрослого мужчины жене и ничем не отличаются от школьных записок о разрыве отношений, совсем никакой разницы, так она тогда подумала. Ничего не меняется. У человеческого сердца нет возраста.

– У нас есть фотографии жертв? – спросила Мосс. – Какие-нибудь недавние? Невозможно понять, как они выглядели.

– Есть несколько альбомов, – ответил Брок. – И еще чеки из фотомастерской и негативы. Отправлю их вам, как только получим. Вы уже все осмотрели? И наверху тоже?

– Мне нужно осмотреть верхний этаж.

Брок закрыл дверь-гармошку.

– Я должен с вами поговорить, прояснить кое-что, – сказал он, усаживаясь за стол из ДСП. – Посреди ночи мне позвонил замдиректора ФБР, вытащил из постели. Обычно он мне не названивает. Он сказал, что в Канонсберге произошло преступление федерального уровня, и велел его раскрыть.

– Но это не все, что он сказал, – предположила Мосс.

Брок оскалился – это обозначало расслабленную улыбку, но выглядело скорее как паника. Он завернул жвачку в фольгу и сунул в рот новую черную плитку. В воздухе поплыл запах лакрицы от его дыхания. Мосс заметила следы зубов на кончике его карандаша – может, он только что бросил курить, решила она, или пытается. Сорок с небольшим, максимум лет сорок пять, мускулистый, явно регулярно наведывается в спортзал. Она представила, как он боксирует. Представила, как накручивает мили на беговой дорожке в пустом зале.

– Я пытаюсь понять слова замдиректора, – сказал Брок. – Чтобы погрузиться в то, что мы здесь обнаружили. Он рассказал о специальной программе под названием «Глубокие воды». – Брок произнес это как заклинание, и в его глазах мелькнула тень страха. – Флотская программа, засекреченная. Сказал, что наш главный подозреваемый, «морской котик» Патрик Мерсалт, связан с программой «Глубокие воды» и прикомандирован к Космическому командованию ВМФ. Босс велел включить в расследование Шэннон Мосс.

«Для этого человека пределы известного мира расширились всего несколько часов назад», – подумала Мосс, видя, как Брок старается поверить в немыслимое. Его посвятили в тайну «Глубоких вод», но насколько ему можно доверять? Мосс вспомнила, как впервые увидела солнечные зайчики на бортах кораблей КК ВМФ в космосе, это было словно во сне, будто россыпь бриллиантов на черном бархате – такое великолепие мало кто видел. Она представила Брока, отвечающего по телефону, вот он сидит на кровати и слушает начальника, а тот описывает нечто, больше похожее на чудо.

– Мерсалт был... кем-то вроде астронавта, – сказал Брок, перемалывая челюстями лакрицу. – Глубины космоса – это я могу понять, могу понять, что мы побывали в Солнечной системе намного дальше, чем сообщалось, но не понимаю как. Квантовая пена...

Так значит, ему рассказали о Глубинах космоса, но не о Глубинах времени. КК ВМФ – публичная организация, при Рейгане занималась программой «Звездные войны» и получала финансирование от министерства обороны вместе с Управлением космических систем ВВС и НАСА, но основная масса операций была полностью секретной. Мосс путешествовала в Глубины космоса, а также и в Глубины времени, в разные версии будущего, не только чтобы посмотреть на Рубеж, но и ради собственных расследований. НеБыТЬ – так называли это будущее, «Недопустимые Будущие Траектории». Недопустимые, потому что будущее, в которое путешествовал КК ВМФ, было лишь вероятностью, созданной

условиями в настоящем. Ей запрещалось использовать добытые в будущем улики для обвинения в настоящем, потому что это будущее могло никогда не случиться.

– Считайте меня источником информации, – сказала Мосс. – Вот почему я здесь, вот почему вас просили мне позвонить. Мой отдел в СУ ВМФ расследует преступления, имеющие отношение к программе «Глубокие воды».

– Не знаю, чему и верить. Не знаю, чему верить – в том, что касается Патрика Мерсалта и секретной космической программы... Все это звучит как... Не знаю даже, понимаю ли я все это.

– Пропавшая девочка, – сказала Мосс. – Это наша главная цель.

Напоминание о девочке заставило его сосредоточиться, подумать о чем-то более практическом.

– Мариан Мерсалт, – сказал он. – Ей семнадцать...

– Мариан. Мы ее найдем. Начнем сегодня же.

– Соседи, которые первыми появились на месте преступления, – сказал Брок, – тут же заявили, что нужно искать Патрика Мерсалта, видимо, это он убил свою семью. Как только полиция Канонсберга подняла бумаги и выяснила, что Мерсалт служит на флоте, они позвонили туда, чтобы подключить ВМФ. Судя по его личному делу, он служил на флоте во Вьетнаме, хотя тогда был, наверное, совсем мальчишкой.

– Что еще удалось выяснить?

– Ваш босс переслал мне факс с данными по Мерсалту из центра хранения персональных данных в Сент-Луисе. Все заштриховано, отредактировано. В конце семидесятых – «морской котик». С начала восьмидесятых служил в КК ВМФ. Старшина первого класса. Но в 1983 записи обрываются. Похоже, он вообще выпал из поля зрения, все записано на жену. Официально он числится пропавшим без вести во время операции.

Моряк из КК ВМФ, пропавший без вести? Моряк, потерянный в Глубоких водах, – это трагедия, но числящийся пропавшим и внезапно появляющийся вот так, живущий нелегально, – это угроза национальной безопасности.

– Нужно немедленно его отыскать.

– Мы можем найти на него что-нибудь более конкретное? – спросил Брок.

– Я узнаю у директора, но СУ ВМФ – гражданское подразделение. У меня доступ к секретным материалам высокого уровня, как и у вас, но информация о «Глубоких водах» выдается только при крайней необходимости и дозированно. Придется работать с тем, что выдаст нам флот.

Брок выплюнул жвачку в обертку и бросил комок в мусорное ведро.

– Сосредоточимся на том, что знаем, – сказал он. – Преступник разбудил жертв, собрал их вместе в гостиной и набросился на них.

– С чем?

– С топором.

Мосс представила стоящих на коленях женщину и мальчика – влажный шлепок, и топор вынимают для нового замаха. Уничтожение всей семьи – настолько же просто, как расколоть полено.

– Есть причины сомневаться, что это сделал Патрик Мерсалт? – спросила Мосс.

– Нет. Но с ним мог быть кто-то еще. Позвонившая по 911 соседка упоминала его приятеля, который ездит на красном пикапе с номерами Западной Виргинии. Мы занимаемся пикапом, пытаемся найти владельца. Она описала его как мерзкого типа, вечно перегораживающего ей дорогу. Машина покрыта наклейками. Давайте поднимемся вверх.

Мосс вслед за Броком вышла из закутка. Он поднырнул под полицейской лентой и повел Мосс вверх – этот путь она проделывала бесчисленное число раз вместе с Кортни, чья комната была первой справа. Под ладонью так знакомо вились

металлические перила. Теперь она поднималась по лестнице осторожно, моторчик в протезе работал почти без остановок. Брок помедлил на верхней площадке, наблюдая за Мосс, как будто пытаюсь угадать ее следующее движение и подхватить, если она скатится вниз или упадет. Мосс уже устала от таких неловких моментов, когда люди впервые понимали, что имеют дело с одноногой, и гадали, как с ней себя вести.

- Что здесь произошло? - спросила она.

- Его семилетней дочери Джессике удалось убежать от первого удара, вот сюда.

Комната Кортни. Брок положил ладонь на дверную ручку.

- У меня две дочери, - сказал он. - Две чудесные дочки...

Он открыл дверь и пропустил внутрь Мосс. Возвращение в эту комнату - как свернуться обратно в кокон. Она помнила, как летом после шестого класса красила здесь стены в розовый, «цвет жевательной резинки», окуная валик в поднос, а Кортни взвизгивала всякий раз, когда краска капала сверху на ее черные кудряшки. Мосс вспомнила, как пыхала дымом от сигареты в окно, в разгар летней жары, из проигрывателя звучал альбом «Powerage» группы AC/DC, но пластинка была поцарапана, и последние несколько секунд песни «Кто следующий на луну» не проигрывались. Теперь комната была лавандового цвета, с белым комодом и двухъярусной кроватью - дочери Мерсалта, видимо, жили здесь вдвоем. Тело Джессики Мерсалт лежало в углу, где раньше стояла кровать Кортни. Ночная рубашка девочки была разорвана в клочья, на спине зиял глубокий порез, лопатки разошлись, как открытые губы.

Бедняжка... Бедняжка...

- Ты как? - спросил Брок.

- Где их ногти? - спросила Мосс, зрение расплывалось, но она заметила, что у девочки тоже отсутствуют ногти на руках и ногах.

- Ты побледнела, - сказал он. - Может, присядешь?

- Все нормально...

Ее качнуло, и Брок поддержал ее за спину.

- Спасибо, - сказала она, по-прежнему не находя точку равновесия.

Накатила горячая волна смущения. Соберись, подумала она.

- Я... Не знаю, что случилось. Прошу прощения.

Брок проводил ее из спальни в коридор.

- Слушай, - сказал он, - закрывая дверь, - на такую сцену любому тяжело смотреть, в особенности если не привык. Вполне естественно, что у тебя подгибаются колени.

- Я должна кое в чем признаться. Это... Сегодня мне сложно, потому что это нечто сверхъестественное. Я знаю этот дом.

- Продолжай.

- Я выросла неподалеку, - сказала Мосс. - В детстве я практически жила в этом доме. Здесь жила моя лучшая подруга. Кортни. Ее звали Кортни Джимм. Это была ее комната. Я провела в этой комнате кучу времени. Кровать стояла вон там.

- Охренеть.

- Меня это выбивает из колеи, но ничего страшного. Когда позвонил Нестор и сказал, что преступление совершили на Крикетвуд-Корт...

Она оперлась на стену для равновесия и, прикоснувшись к ней, почувствовала, будто может отбросить настоящее и снова увидеть подругу, быть рядом с ней, как раньше, будто может войти в ее старую спальню, в исчезнувший мир. Пружинные браслеты, прозрачные босоножки, цветные вставки на зубных брекетах Кортни.

– Обычно мы проводили время в лесу за домами, – сказала Мосс. – Курили там вместе.

Загорали в шезлонгах, приобщаясь к светскому образу жизни. Отец Кортни работал в ночную смену, а мать жила в Питтсбурге с приятелем, и дом был полностью в их распоряжении. Изредка они выкуривали косячок, но в основном просто допоздна смотрели телевизор, а на следующее утро с красными глазами шли в школу. Иногда они устраивали вечеринки вместе с другими девочками из школьной команды по легкой атлетике. Иногда приглашали соседских мальчиков. А порой Кортни, Мосс и ребята, которых они подцепили в торговом центре, напивались, накуривались и валяли дурака под комедийное шоу по телевизору, ничего такого, просто целовались и тискали друг друга, и вечер заканчивался пахнущими мылом и спермой руками.

– Боже, я ведь потеряла девственность в комнате дальше по коридору.

Брат Кортни, Дэйви Джимм. Она так четко представляла его лицо, словно они виделись только вчера. Ей оставался год до выпускного, он был старше. Дейви запустил руку в ее волосы и поцеловал ее, провел руками под блузкой, расстегнул джинсы и положил ее ладони на свой член. Он отвердел в ее руках. Она почувствовала его вес на своем теле, почувствовала, как он в нее входит.

– Прости, мне не следовало этого говорить, – сказала Мосс.

– Давай подышим свежим воздухом, – предложил Брок. – Сможешь спуститься?

– Я справлюсь. Спущусь через минуту.

Первую ночь с Дэйви Джиммом она провела в маленькой спальне в конце коридора, скорее кладовке или шкафу, чем нормальной третьей спальне. Она помнила ножи, которые Дэйви купил на блошином рынке, и постер с Кристи Бринки из «Спортс иллюстрейтед». Они лежали на скрипучей двуспальной кровати, его жадные пальцы под ее эластичными трусиками, тяжелое влажное дыхание на шее. Она помнила, какие он издавал звуки во сне, когда она лежала и смотрела, как лунный свет подкрадывается к портрету фотомодели в купальнике.

Мосс подождала, пока не услышала внизу голос Брока, и открыла дверь в прежнюю спальню Дэйви Джимма. Войти в эту комнату было все равно что выйти в открытый космос с созвездиями зодиака и звездными скоплениями, горящими в бесконечной тьме. Она нашарила выключатель – вероятно, в глубине души ожидая увидеть все тот же постер с фотомodelью в купальнике и коллекцию ножей, но вместо этого обнаружила комнату мальчика, со светящимися в темноте наклейками в виде звезд на стенах. Как глупо! Мосс пожалела о сделанном Броку признании, понимая, что следовало держать рот на замке, не стоило вообще упоминать об этом доме. Это непрофессионализм, минутная слабость. Она смотрела на комнату не из прошлого, а из настоящего – комнату мертвого ребенка.

Она нашла Брока на улице. Лужайки на Крикетвуд-Корт прихватило морозцем, ветровые стекла припаркованных машин покрылись ледяными узорами. В верхнем окне соседнего дома включился свет.

– И где во время этих событий была Мариан? – спросила Мосс. – Кто-нибудь ее видел?

– Все соседи ее знают, но ее здесь не было, – ответил Брок. – С пятницы. Мы перебудили всех ее друзей и родных, пытаемся ее найти.

– Ты упоминал, что приятель Мерсалта водил красный пикап. Никто не знает этого парня?

– Никто. Соседи замечали пикап, потому что он часто парковался на улице, но Мерсалт со своим другом общались только между собой.

– Мне кажется, стоит пойти дальше и подключить систему оповещения о пропавших детях, – предложила Мосс.

– Она может объявиться, – возразил Брок. – Может, она у друзей. Мы проверяем.

Систему оповещения ввели совсем недавно, напомнила себе Мосс, она пока еще не настолько известна.

– Это поможет, – заверила она. – Кто-нибудь мог ее видеть.

Брок посмотрел на свои часы с подсветкой.

– Мосс, твой кабинет ведь в Информационном центре криминальной юстиции?

Это здание было нервным центром ФБР, недавно возведенная на пустынных холмах Западной Виргинии, рядом с Кларксбергом, диковина из стекла и бетона. Здание принадлежало ФБР, но раз у ВМФ не было поблизости собственных, офис СУ ВМФ располагался именно там.

– Ты и живешь там? Где-то рядом с Кларксбергом? – спросил он.

– Точно.

– Там работает моя жена Рашонда, в фотолаборатории. Может, вы даже пересекались.

– Ты муж Рашонды Брок?

В здании инфоцентра работало несколько тысяч человек, но Рашонду Брок, заместителя директора лабораторного подразделения, знали многие. Кабинет Мосс находился неподалеку от детсада комплекса, и хотя она никогда не встречалась с женой Брока, она видела, как Рашонда оставляет там дочерей каждое утро, с потоком поцелуев и объятий.

– Кажется, я видела рисунки твоих детей, – сказала она. – Брианна и Жасмин, верно? Таблички с именами висят на доске у моей двери. Фиолетовые динозавры...

– Барни, – улыбнулся Брок и хихикнул. – Вечно эти динозавры Барни. Ими забита вся комната Брианны.

Мосс представила Рашонду рядом с Броком, они так подходили друг другу. Рашонда – всегда сияющая, полная и высокая – наверное, испытывает удовольствие всякий раз, когда ей удастся рассмешить такого серьезного человека.

– Так ты приехала из самого Кларксберга, да? Это... где-то час-полтора отсюда? – спросил он, выудив из кармана пиджака конверт, а из него – ключ-карточку. Он протянул ключ Мосс. – Мы снимаем неподалеку несколько комнат, не стоит тебе сегодня ночью возвращаться в Кларксберг. Завтра утром все равно придется сюда ехать.

– Упаду там на ночь, – сказала она, отметив перемену в поведении Брока. Заметив ее протез и упомянув о жене, он смягчился.

– Глубокие воды, – произнес он, устремив взгляд в небо, хотя из-за туч не было видно ни одной звезды. – В детстве я мечтал стать астронавтом. Дедушка с бабушкой возили меня на запуск ракет с мыса Канаверал. Самое прекрасное зрелище из тех, что я видел в жизни, пока не родились дочери.

Рассветный сумрак освещали вспышки пожарных сирен, словно взлетающие и исчезающие из вида ракеты.

– Это зрелище всегда прекрасно, во все времена, – сказала Мосс.

– Иди поспи. Мои люди продолжат работу. Совещание по результатам в девять утра, будут все, а потом встретимся с прессой.

* * *

Когда она удалялась от Крикетвуд-Корт и Хантинг-Крика, плечи и спину щекотало желание побыстрее увеличить расстояние от этого дома. Брок забронировал номер в гостинице «Вестерн» рядом с Вашингтоном, что в штате Пенсильвания, но перед тем, как выбраться на семьдесят девятое шоссе, Мосс свернула к парковке у ресторана «Пицца-хат» рядом с Чартьерс-Криком. Именно здесь убили Кортни, в ноябре, за год до выпускного. Пиццерия не изменилась с того раза, когда Мосс здесь проезжала, кирпичное здание с полукруглой крышей, сзади – два больших мусорных контейнера, в фарах машины они выглядели синими.

Тело Кортни бросили между этими баками. Мосс подсчитала часы – почти тридцать три, с тех пор как в последний раз видели Мариан Мерсалт. Мариан – семнадцать, а Кортни было шестнадцать, когда она погибла. Мосс поехала в

гостиницу, думая об умершей подруге и о пропавшей девушке. А у мертвецов исчезли ногти. Это Патрик Мерсалт убил свою семью? Где он сейчас?

В багажнике Мосс хранила сумку с необходимыми вещами – сменной одеждой и туалетными принадлежностями, – чтобы можно было в любой момент сорваться с места. В гостиничном номере она разделась, сняла протез и обмотку. Едкая вонь влажного пота на мгновение сбросила сонливость. В душевой не за что было ухватиться, но как только пошла горячая вода, Мосс села на край поддона и закинула в него ногу, а потом подвинулась по фаянсовой поверхности, чтобы сесть на резиновый коврик.

Горячая вода струилась по телу. Мосс вымыла голову гостиничным шампунем, пытаясь смыть запахи разложения и крови. Без костылей или инвалидного кресла ей пришлось прыгать по ковровому покрытию, пока она не скользнула под накрахмаленные простыни, завернувшись в стеганое одеяло. С задернутыми шторами и выключенным светом комната погрузилась в чудесную темноту. Холодно. Мосс начала засыпать, но в голове всплывали тела женщин и детей, вращающиеся по огромной кровавой дуге, и их зияющие раны.

Горло обжигал кислый привкус омерзения и безнадёги. Она думала о Мариан, что та еще жива – пожалуйста, пусть это будет так! – но не знала, как выглядит Мариан, и потому воображение наполняло разум образами Кортни Джимм, мысли скакали от крошащего кости топора к отверстым, словно рты, ранам. Пока она ворочалась под липкими простынями, по комнате расплывался кислый запах обмотки для протеза. Мосс села и нашарила в темноте пульт от телевизора. Все местные каналы сообщали об убийстве семьи в округе Вашингтон, неподалеку от Канонсберга. Мосс прищурилась, когда в глаза ударил свет из телевизора – съемка крыш квартала с воздуха и установленные шерифом заграждения, а его помощник с чаплинскими усами подтягивал штаны рядом с загородкой.

Первый раз объявление о поисках Марион Триши Мерсалт, семнадцати лет, проживающей в Канонсберге, штат Пенсильвания, прозвучало в пять утра. На фотографии она загорелая, с веснушками, в шортиках и майке на бретельках, прямые волосы угольного цвета. У Мосс перехватило дыхание, настолько пропавшая девушка напоминала ее подругу – обе хорошенькие, с длинными темными волосами.

Мосс готовили к путешествиям во времени, и она привыкла вспоминать о событиях из будущего, словно они происходили на «твердой земле» настоящего,

но это дежа-вю было совершенно другого рода, будто события повторялись – дом, девочки, – словно она видела то, что не должна была видеть, механизм цикличности времени. А может, сходство девочек было еще более необычным случаем – нечто вроде второго шанса. Она потеряла Кортни, но еще может спасти Мариан. Мосс слегка расслабилась, осознав, что люди начнут искать девочку, кто-то наверняка ее уже видел и знает, где она, и ей ничто не грозит... Но, проваливаясь в недолгий сон, Мосс почти физически чувствовала, как остывает тело Мариан.

Глава 2

После смерти Кортни Мосс потеряла ко всему интерес и превратилась в тень шестнадцатилетнего подростка. Семья Джимм пригласила ее остаться у них на время похорон – изматывающая почетная обязанность, и довольно неловкая, ведь приходилось стоять рядом с Дэйви и как будто спящей Кортни с синюшным лицом под слоем пудры. Кортни всегда говорила, что хочет быть похороненной в джинсах, но ее одели в бархатное платье с высоким кружевным воротником, чтобы прикрыть то, чего не спрятать косметикой, – разрез на шее. Тело было настолько неподвижным, противоестественно неподвижным, что Мосс почти ждала, когда подруга сядет, заворочается или вздохнет.

Возвращаясь после похорон домой, Мосс представляла, что вместе с Кортни умерла и похоронена она сама. Она была подавлена, одинока и равнодушна к новой версии себя самой, той, что уцелела. Она жила с матерью, отец ушел, когда Мосс исполнилось пять. Отношения с матерью были дружескими, но та постоянно отсутствовала – то на работе, то в баре Макгrogана, где «удачные часы» с уцененной выпивкой плавно перетекали в пьянку на всю ночь.

Мосс замыкалась в себе и каждый вечер скрывалась в своей комнате вместе с расширяющейся коллекцией: «Мисфитс», «Клэш», «Секс пистолз», «Пиксиз» – виниловые пластинки с альбомами панк-групп, которые она выбирала в магазинах CD-дисков. Она просто лежала в темноте на кровати с наушниками на голове, погружившись в звуковые ландшафты. Оставшиеся месяцы в школе она прожила совершенно бездарно – пила виски с вишневой коллой или любое другое пойло, которое удавалось раздобыть на парковке во время обеденного перерыва. Она чувствовала себя пустой оболочкой, поскорей бы окончить школу

и просто жить дома, а если придется, устроиться на работу в ту же компанию телемаркетинга, где работала мать. Но школьный наставник обратил на нее внимание, потянул за нужные ниточки и добился для Мосс права посещения лекций в университете Западной Виргинии.

Через три года после гибели подруги Мосс вызвали давать показания против ее убийцы. Она сидела в суде округа Вашингтон в материнском офисном платье и отвечала на вопросы о той ночи, когда умерла Кортни. Родители Кортни слушали ее показания, мать Кортни рыдала, а убийца слушал совершенно равнодушно. Мосс никогда не сожалела об отсутствии сострадания к убийце лучшей подруги – бродяге и торчку.

Она желала ему смерти, смерти в мучениях или пожизненного заключения – хоть какая-то месть, какая-то справедливость. О приговоре она узнала позже – ему дали двадцать восемь лет, но ей это казалось недостаточным. Ярость при мысли, что он будет жить и однажды выйдет на свободу, просачивалась сквозь туман удушающего горя. В первом семестре второго курса колледжа пьяные выходные и наркотики в общежитии уступили место учебе. Она выбрала основными предметами криминологию и расследование преступлений и добилась стажировки в офисе окружного коронера, как того требовали правила специализации.

Поначалу стажировка ее напугала, но в офисе коронера оказалось приятно проводить время – женщины были благодарны за помощь и всячески старались ублажить, болтая о контроле за деторождением и музыке, пока она ползала на четвереньках, разбирая их шкафы с бумагами. Коронер, доктор Радовски, приветствовал ее каждой утро, но держался на расстоянии. Как сообщил кое-кто из его сотрудников, он был алкоголиком и гомосексуалистом, как всем известно, и хотя лицо Радовски частенько полыхало красным после затяжного обеденного перерыва, он был безупречно любезен. Некоторые однокурсники Мосс были поражены ее выбором, их тошнило при одной мысли о трупях, но Мосс с готовностью подогнала свое расписание под стажировку и с нетерпением ждала четверга, чтобы в двадцать минут первого выехать по семьдесят девятому шоссе на Вашингтон в бананово-желтом «Понтиаке» и успеть в офис коронера к часу дня.

Когда Радовски в первый раз позволил ей присутствовать на вскрытии, она нервничала, но не боялась. В лабораторном халате, очках и перчатках, похожая на играющего в ученого ребенка, она стояла рядом с Радовски, разрезающим

тело шестидесятичетырехлетней женщины, обнаруженное, только когда соседи пожаловались на запах. Мосс впервые вдохнула сладко-едкую вонь человеческого разложения, но любопытство заставило ее переступить через отвращение.

Временами процедура напоминала хирургическую операцию с помощью скальпеля, но стала неожиданно суровой, когда Радовски разломал клещами грудную клетку и разрезал череп визжащей электропилой, наполнив воздух пылью. Ассистент Радовски промыл кишечник женщины, вода потекла через толстую кишку в раковину, и по комнате растеклась вонь экскрементов. Ассистент тут же сострил, обнаружив в желудке женщины полупереваренное печенье «Твинки»:

- Срок хранения неограничен.

Радовски позволил Мосс подержать сердце женщины. Она осторожно взяла его в сомкнутые ладони, как будто держит птицу со сломанным крылом, а не мертвую мышечную ткань. Ее удивило, насколько сердце тяжелее, чем она ожидала. Чтобы добраться до него, Радовски пришлось прорезать скальпелем околосердечную сумку, и со стола из нержавеющей стали на пол полилась жидкость.

- Положите вон туда, пожалуйста, нужно его взвесить.

Мосс сделала, как велел Радовски, положив сердце в емкость, чтобы стекла жидкость.

- Взгляните на это, - позвал ее Радовски через некоторое время, поднимая какой-то внутренний орган. - Здесь вы видите причину смерти. Печень. Посмотрите на темно-фиолетовый цвет и текстуру, как у давленого угля. Здоровая печень выглядит как кусок мяса из супермаркета - розоватая и гладкая. Это цирроз. Упилась до смерти.

Иногда морг казался Мосс центром спокойствия в мире науки, потому что смерть - нечто очень личное. Смерть и потеря были ей близки, ведь лучшая подруга умерла, а отец ушел. Процедура вскрытия помогла завершить ее знакомство со смертью - та по-прежнему осталась загадкой, но тем не менее всю полноту человеческой жизни можно было разложить по полочкам, взвесить и измерить.

Общежитие находилось в Моргантауне, но летом Мосс снимала квартиру в Дормонте, подрабатывая в Питтсбурге. Временной секретаршей в «Бьюкенен Ингерсолл», адвокатской конторе. Ее стол загромождали здоровенный монитор компьютера и электрическая пишущая машинка, за спиной стояли стальные полки с расставленными в алфавитном порядке папками. В двадцать один год одевалась она как на фото в модных журналах – куртки с эполетами в стиле милитари, массивные золотые серьги, блестящая красная помада и наклейки леопардовой расцветки на ногтях. Женщины постарше называли ее «Мадонна» – вероятно, это был комплимент. По часу каждое утро в женском туалете и несколько визитов туда в течение дня, чтобы взбить волосы и покрыть их лаком, превратив в воздушные кудряшки, которые она собирала резинкой. Коллеги в курилке держались от нее на расстоянии из опасения, что волосы могут вспыхнуть. Во время обедов на Маркет-сквер – учебники по криминологии и судебной медицине.

Когда она ела жареные устрицы в пакете из вощеной бумаги и картошку-фри, к ней подошел мужчина в спортивной куртке и галстук с замысловатым узором. Он уселся напротив, даже не спросив разрешения. Приподнял ее книгу и глянул на обложку – «Введение в криминологию. Теории, методы и криминальное поведение», второе издание.

– Ну и как, ты узнала, почему люди поступают так, как поступают? – спросил он.

Привыкнув, что бизнесмены и юристы с Грант-стрит постоянно напрашиваются на знакомство, считая, будто секретарши существуют, только чтобы их развлекать, Мосс и бровью не повела, пока он не показал значок – «Следственное управление ВМФ», о такой службе она никогда не слышала. Но даже тогда первым делом она подумала, не случилось ли чего с матерью или с подружками.

– Мы ищем самых лучших и ярких, – сказал он.

Мосс удивилась – какое это имеет отношение к ней?

– Ясно, – сказала она. – И что?

Он представился как специальный агент О'Коннор.

– Одна из твоих преподавательниц предложила тебя в качестве вероятного кандидата для федеральных служб, – сказал он. – На нее произвела впечатление твоя работа.

– Ясно, – произнесла Мосс, гадая, кто из преподавателей и не подстава ли это. – А у вас нет буклетов или чего-то в таком духе?

– Я хотел предложить тебе работать в особом подразделении СУ ВМФ. Хотел встретиться с тобой лично, прежде чем решу. Я не всегда набираю людей вот так, но у меня уже есть основания полагать, что ты станешь отличным агентом... Хотя все равно нужно в этом убедиться, прежде чем предложить работу.

Может, он пытается что-то продать? Вытянуть ее имя и адрес, а потом забросать спамом и замучить рекламными звонками. Сейчас он попросит двадцать баксов, чтобы «гарантировать место в программе», или попросит сделать пожертвование.

– Мои достижения недостаточно хороши для вас, – сказала она, пытаясь вывести его на чистую воду. – Я и школу-то с трудом окончила.

– Играет роль твое прошлое. Мне интересен твой новый взгляд на жизнь, выбор профессии. Некоторые еле-еле успевают в школе и расцветают в колледже. Это мне подходит. Мне не нужны вундеркинды, которые сгорят через несколько лет. Я читал твою работу по поводу ответственности сильного общества по защите прав незащищенных групп, где самые беззащитные – это жертвы насилия. Ты это откуда-то переписала или сама придумала?

– Я ничего не переписываю.

– Меня тронула твоя работа, – сказал О'Коннор. – Она эмоциональная. Мне нравится твоя пылкость, Шэннон. Думаю, твоя пылкость поможет в нашем деле.

– У меня была подруга, – сказала Мосс. – Именно из-за нее я заинтересовалась криминологией.

– Так уж вышло, Шэннон, что у меня как раз есть для тебя буклет. Сколько тебе осталось до выпуска? Еще год? Если к тому времени ты не растеряешь пыл и

решишь пойти к нам на работу, обращайся прямо ко мне.

Свой адрес – Вашингтонская верфь ВМФ, строение 200 – он записал на обороте глянцевого рекламного буклета: люди в ветровках, стоящие в карауле на палубе авианосца. В конце шестидесятых ее отец служил на флоте, на линкоре «Нью-Джерси», но Мосс мало об этом знала.

За месяц до выпуска она отправила в СУ ВМФ письмо со своими документами, как и в местный полицейский департамент и офисы окружных прокуроров Западной Виргинии и Пенсильвании. О'Коннор позвонил через неделю и попросил ее обратиться в Ошену в штате Виргиния, чтобы пройти собеседование. «Разгреби свое расписание», так он сказал. После грез о том, как она поднимается на борт громадных кораблей, прорезающих стальные океанские воды, и воображая, будто в ее крови каким-то образом течет опыт отца-моряка, Мосс удивилась, когда в назначенный день прошла через ворота военного аэродрома Аполло-Сусек и над головой с визгом пролетела эскадрилья «шершней».

О'Коннор набрал двенадцать новичков, и Мосс была одной из трех девушек, а через несколько дней двое ребят ушли, не выдержав режим, который требовали поддерживать инструкторы. Мосс поняла, что речь идет не о собеседовании, лишние отсеются сами. Многочасовые заплывы в бассейне в подводном снаряжении поверх купальника. Бесконечное вращение в симуляторе перегрузок, пока глаза не вылезали из орбит, а она не теряла сознание, но, приходя в себя, снова начинала вращаться.

Кормили рекрутов скудно, а ночевали они в одной комнате на шестерых – один общий туалет, а вместо душа – влажные салфетки. Спартанские условия действовали на нервы, но Мосс быстро привыкла, опыт в легкоатлетической команде научил терпению, научил ставить силу разума выше телесных нужд. Через месяц осталось только семь рекрутов, и Мосс – единственная девушка среди них. На состоявшейся в одном из классов церемонии О'Коннор предоставил каждому выбор:

– Можете сейчас же подать документы в строение 200, и вас примут с распростертыми объятьями, вас ждет многообещающая карьера в ФБР. Или оставайтесь на своих местах.

Один из рекрутов встал и вышел, но остальные остались, озадаченные и в нетерпении, когда О'Коннор вручил всем зеленые футболки и сертификаты с их именами.

Позже состоялся прием с кофе и тортом, а час спустя последовал приказ переодеться в летные костюмы. Вечером выпускники сели на борт реактивного самолета «Огопого», на его тонком носу был нарисован водный змей. Это был самолет класса «баклан», длинный и тонкий, цвета обсидиана, почти как SR-71 «Черный дрозд», но крупнее, размером с небольшой авиалайнер. О'Коннор и его класс пристегнулись к сиденьям, и «Огопого» взлетел.

Когда «баклан» стал набирать высоту и Мосс прижало перегрузкой, она совершенно потеряла способность воображать. Сияющий полумесяц Земли, рассеянные бриллианты городских огней на далеком шаре. Мосс ощутила блаженную и оглушающую невесомость в груди, а волосы поднялись вокруг головы, как пух одуванчика, пока она не стянула их в хвост. О'Коннор первым отстегнулся и поплыл и неожиданно стал выглядеть почти мальчишкой, остальные последовали его примеру с веселым визгом детей на трамплине. Мосс поднялась с кресла и не таясь заплакала, но слезы собирались липкими шариками и кололи глаза, пока она не вытерла их рукавом. А потом засмеялась.

* * *

Лунный пейзаж был озером темноты. Они приблизились к станции Черная долина, лунному форпосту, секретному городу, построенному в кратере Дедал. Сам кратер раскинулся на шестьдесят миль в центре невидимой с Земли стороны Луны. Склоны кратера были террасированы, к широкой котловине как будто спускалась лестница высотой в две мили. Впервые увидев место посадки, никто не проронил ни слова. Черную долину очерчивали огни, расположение зданий и посадочных полос напоминало буровые установки в Западной Виргинии и Пенсильвании. Башня аэродрома была соткана из стали и прожекторов, как стрела подъемного крана. В Черной долине стояли семь массивных кораблей размером с подлодку класса «огайо». Глянцевые и угловатые корабли цвета эбенового дерева будто сложили в технике оригами.

– Это ТЕРНЫ, – объяснил О'Коннор, указывая на корабли. – Посмотрите.

Их двигатели системы Брандта-Ломонако оснащены макромагнетическими генераторами квантовой пены, объяснил он, эта военная технология позволяет путешествовать в Глубины космоса и Глубины времени.

От башни расходились взлетные полосы и площадка в форме листа клевера, к ним примыкали ведущие в ангары дорожки и россыпь белых куполов – общежития, мастерские, офисы и лаборатории. О'Коннор объяснил, что конструкцию кораблей Космического командования ВМФ – «ястребов», «бакланов» и ТЕРНов – привезли из будущего, почти шесть веков вперед, и модифицировали на появившихся в 1970-х и 1980-х индустриальных мощностях, тогда-то в основном и построили флот. Работы вели независимые коллективы инженеров «Боинга», «Макдоннел Дугласа», «Локхид Мартина» и «Нортроп Грумман».

«Бакланы» имели усиленные двигатели Харриера для контроля маневровой системы, короткими толчками регулирующей угол наклона и тангаж, и «Огопого» сел на площадку, как насекомое на лист. За иллюминаторами простирались широкие равнины серой пыли, подсвеченные прожекторами. В слабой гравитации Луны все опускалось медленно, Мосс казалось, что она шагнула в воду. Тогда, в двадцать два года, ее переполнял восторг от секретности и чудес военной службы, сложных миссий Космического командования ВМФ, находящихся за пределами известных знаний.

Первые несколько недель тренировок прошли как во сне – лекции в залитом светом солярии, сон в общежитии, блуждание по оранжереям и коридорам и новые сведения о кораблях флота. Мосс приписали к боевой группе О'Коннора на ТЕРНах, базирующихся на авианосце «Уильям Маккинли» для запуска в «Глубокие воды». Через два месяца после ее появления на аэродроме в Ошене она уже путешествовала к Рубежу человеческой цивилизации и к галактике Андромеда, купаясь в свете звезд, который не дойдет до Земли еще два с половиной миллиона лет.

* * *

Журналисты заполнили центральный зал административного здания Канонсберга, репортеры выспрашивали подробности убийства и исчезновения девочки. В здании находился как офис мэра, так и полицейский департамент, но, похоже, здесь никто не был готов к такому интересу прессы, решила Мосс,

протискиваясь через орду фотографов. Прежде чем ей разрешили пройти в конференц-зал, она показала полицейскому удостоверение и записала свою фамилию в список имеющих право доступа.

Какой-то пожилой мужчина, вероятно, работник мэрии, посторонился, заметив ее протез. Когда она проходила мимо, он положил руку ей на спину, и Мосс окаменела от такого слишком фамильярного прикосновения, мужчина провел пальцами по контуру бретельки лифчика. Он улыбнулся и жестом пригласил проходить – видимо, считал себя галантным или по-отечески заботливым, но его прикосновение жгло лопатки, пока она не забилась в дальний угол зала. До девяти оставалось еще несколько минут. Несколько человек из объединенного оперативного отряда уже заняли места за поставленными в форме подковы шестью столами. Мосс узнавала лица, знакомые по вчерашней ночи, в основном фэбээровцев, но их поведение изменилось, боль от смертей растворилась в свете дня, уступив место свежему гелю для волос и чистой одежде, пластиковым чашкам с кофе и пончикам из белой коробки на черном столе.

Кто-то помахал ей – мужчина с соломенными волосами и щетиной на челюсти, почти ставшей бородой. У него теплая улыбка, подумалось Мосс, она смягчает грубоватые черты. Яркие голубые глаза были слегка прикрыты в задумчивости.

– Вы специальный агент Шэннон Мосс? – спросил он. – Я Филип Нестор. Мы говорили по телефону вчера ночью.

– Да, конечно. Можно на «ты». Зови меня Шэннон.

– Я приберег для тебя местечко. Брок попросил о тебе позаботиться.

Ее кольнула эта забота, да и протискиваться между стульями не хотелось.

– Не хочу пробираться в первые ряды.

– А, ну ладно... Да, конечно, – сказал Нестор, прислонившись к стене рядом с ней.

– Вообще-то, не так, не «позаботиться», скорее оказать содействие. – Он быстро расшифровал ее тон. Мосс помнила его голос по вчерашнему звонку – встревоженный и печальный. Теперь он был спокоен. А голос приятный. – Брок говорит, ты должна получить полный доступ, но раз теперь ему приходится мотаться туда-сюда, – он махнул рукой в сторону зала, – то я буду твоим

проводником.

Она решила, что Нестор любит проводить время на свежем воздухе – его мускулатура была естественной, не как у качков из спортзалов. Он был в темно-коричневых вельветовых брюках, которые контрастировали с серыми или бежевыми костюмами коллег, и рубашке с закатанными до локтей рукавами, вязаной жилетке и галстуке. Выглядел он как профессор, несмотря на значок ФБР, висящий на шнурке.

– Я вроде не видела тебя ночью, – сказала Мосс.

– Я там был, видел, как ты приехала. Но я... – Он жестом показал, что был в спецкостюме. – Фотографировал. Ты бы меня не заметила. Не могу не спросить – это правда, что рассказал о тебе Брок?

Вот блин, подумала Мосс, гадая, многие ли знают.

– Зависит от того, что он сказал.

– Что ты знала семью, которая жила на Крикетвуд-Корт.

– Семейю, которая жила там раньше, – уточнила Мосс. – Много лет назад там жила моя лучшая подруга. Я приходила в тот дом почти каждый день.

Нестор вздохнул.

– Извини. Наверное, для тебя это было потрясением.

– Что он еще сказал?

Нестор поднял руку в примирительном жесте.

– Только просил вести себя аккуратней, потому что тебе это тяжело далось.

Гул разговоров стих – к кафедре спикера пробирался Брок. Он был в той же одежде, что и ночью, весь помятый. Видимо, сполоснул лицо водой и брызнул

одеколоном перед встречей, но не принял душ и не отдыхал. Он выглядел измученным, под глазами набрякли синеватые мешки, выделяющиеся даже на темной коже. Он приглушил свет в зале.

– Доброе утро, – начал Брок, включая проектор над головой, на белый экран за его спиной упал пучок света. – Я введу вас в курс дела. Специальный агент Уильям Брок из ФБР, руковожу операцией. Моя группа работает в тесном контакте с полицией Канонсберга и пенсильванским бюро судебной экспертизы. Мы расследуем убийство семьи Мерсалт и разыскиваем Мариан Мерсалт. Главный оперативник – специальный агент Филип Нестор.

На первом слайде Брока было фото, отправленное в службу оповещения.

– Мариан Мерсалт, – сказал он. – Запомните ее лицо. Она пропала тридцать восемь часов назад.

Брок глотнул воды из бутылки и помолчал, пока все не посмотрели на фото девушки. Стояла тишина, не считая жужжания проектора.

– Пресса уже интересуется этой девушкой в национальных масштабах. В последний раз ее видели в пятницу вечером, когда она закончила смену в супермаркете, где работает кассиршей. Это было в семь часов, это последние известные нам данные. Мы забрали ее машину с парковки, а значит, она уехала вместе с кем-то или ее похитили. Старший ее смены и коллеги по работе не припоминают ничего необычного в тот день. Насколько известно, у нее не было постоянного парня. Полиция штата занимается ее многочисленными друзьями.

Он переключил слайд. Увеличенная фотография мужчины в синей толстовке на молнии, волосы припорошены сединой. Он улыбался, прищурившись на солнечный свет.

– Это последняя фотография ее отца, Патрика Мерсалта. Старшина первого класса ВМФ США. Родился третьего августа 1949-го. Пока что Патрик Мерсалт – наш главный подозреваемый и в деле о похищении Мариан, и в убийстве своей семьи. Выдан ордер на арест. У нас нет никаких сведений о его местонахождении.

Еще один слайд. Полароидный снимок в джунглях, Мерсалт в зеленом камуфляже, загорелая кожа. Похож на ребенка, подумала Мосс, несмотря на сигарету и небрежно переброшенную через плечо винтовку М16.

– Тройное убийство, – сказал Брок, показывая слайд с окровавленным женским лицом.

Слайд с окровавленной рукой.

– Убийца удалил у женщины и детей все ногти. Эта информация не для прессы. Всем понятно? Если вдруг мы ошибаемся насчет Мерсалта, то придержим часть улики, чтобы распознать ложные признания, если такие последуют.

По залу пронесся встревоженный гул – пропавшие ногти всех взволновали, превратив убийства из просто резни в нечто странное и необъяснимое.

– Ты как? – спросил Нестор с беспокойством во взгляде.

– А ты? – отозвалась Мосс.

Пресс-конференцию Брок провел через полчаса, экран в конференц-зале закрыли эмблемой ФБР. Он сосредоточил все внимание на единственной имеющейся ниточке – заявлении соседки о неизвестном приятеле Мерсалта – белом мужчине с бородой, который водит красный пикап «додж» с номерами Западной Виргинии. На пикапе множество наклеек, в том числе всем известный флаг Конфедерации. Мосс вместе с несколькими полицейскими смотрела телевизор в комнате отдыха. Она налила в кружку маслянистую гущу, оставшуюся в кофейнике, а репортеры из Питтсбурга и Стьюбенвилла тем временем забрасывали Брока вопросами о Мариан Мерсалт и убийце ее семьи.

Мосс вышла из комнаты и отыскивала пустой закуток в большом офисном зале. Она набрала прямой номер своего босса в СУ ВМФ. В тот день за жареными устрицами О'Коннор завербовал ее, он был ее наставником во время тренировок, а потом выходил вместе с ней на «Уильяме Маккинли» в «Глубокие воды». Он же сопровождал ее во время первого выхода в космос, они вдвоем намного отделились от корабля, привязанные к корпусу, будто пауки на шелковых нитях. О'Коннор был всего на десять лет старше Мосс, но уже избородил «Глубокие воды» и НеБыТи, успел там постареть, пока остальные пребывали в том же

возрасте. Его волосы побелели, лицо покрылось морщинами, но невозмутимый взгляд легко превращался в проказливую ребяческую ухмылку.

– О'Коннор, – отозвался он.

– Это Мосс. Мне нужна информация по Мерсалту, если сумеешь добыть. Та, что у меня есть, неполная. Он числится как пропавший без вести.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказал О'Коннор. – Я тут встречался ночью с КК ВМФ. Мерсалт – большая проблема, Шэннон.

– Что у тебя на него есть?

– Патрик Мерсалт был ключевым игроком, когда КК ВМФ заливали деньгами под программу «Звездные войны» при Рейгане. В те дни КК ВМФ был частью космических программ министерства обороны, еще до «Челленджера». Мерсалт участвовал в программе управляемых космических полетов в Лос-Анджелесе, а также имел отношение к военным программам в НАСА. Но его личное дело обрывается на миссии «Зодиак». Она тебе знакома?

– Двенадцать кораблей, их запускали с конца семидесятых до 1989-го. Еще до меня. Три корабля до сих пор в строю.

– «Ариес», «Кансер», «Тaurus». Другие девять так и не вернулись, несколько сотен человек считаются погибшими. Катастрофа. А «Тaurus»...

– «Тaurus» обнаружил Рубеж, – сказала Мосс. – Первым.

Она изучала фотографии «Тавруса». Корабль стартовал в конце 1986 года и вернулся из далекого будущего, из НеБыТи, всего с несколькими выжившими на борту, в которых едва теплилась жизнь, внутри корабль покрывали изображения мертвецов и написанные кровью предупреждения.

– Патрик Мерсалт числится пропавшим без вести, потому что он был на борту «Либры». А этот корабль считается погибшим, Шэннон.

Погиб в «Глубоких водах», но теперь объявился.

– Как такое возможно? – спросила она.

Мосс наблюдала за запусками кораблей КК ВМФ, они отправлялись в «Глубокие воды» и возвращались почти мгновенно, просто яркая вспышка, хотя за это время экипаж побывал в других галактиках и прожил несколько лет. Так странно видеть, как человек поднимается на борт молодым, а в следующую секунду сходит обратно уже в пенсионном возрасте.

Однако иногда корабль взлетал, но так и не возвращался – просто вспыхивал и прекращал существовать. Такие корабли считались погибшими и утраченными навсегда. Либо они разлетелись на куски при встрече с астероидом, либо их поглотила какая-нибудь раскаленная звезда или черная дыра. А скорее всего, произошла какая-нибудь механическая поломка, оказавшаяся фатальной. Но корабли не вернулись и не обнаружались где-нибудь в другом месте. Если корабль исчезал, то команда погибала вместе с ним и числилась пропавшей без вести только потому, что невозможно найти тела.

– Если «Либра» пропала, то Патрик Мерсалт не может оказаться живым, – сказала она. – Или он не был на корабле. Может, он дезертир? Или не получал этого назначения?

– Нужно разобраться с «Либрой» и Мерсалтом, – сказал О'Коннор. – Потому и вызвали тебя. Нужно разгадать загадку Патрика Мерсалта и понять, что произошло.

– Брок говорит, Мерсалт жил как нелегал, все записано на жену, не считая нескольких фальшивых удостоверений личности и таких же водительских прав. Есть люди, которые лично знали Мерсалта, вряд ли мы имеем дело с фальшивым именем. Он жил в Канонсберге, прямо на виду.

– Его никто не искал. Все считали, что Патрик Мерсалт исчез вместе с остальными на «Либре». Когда тебя никто не ищет, можно скрываться очень долго.

– Теперь его ищут очень многие.

– Шэннон, специальный агент Брок упомянул, что место преступления связано с твоим прошлым...

– Я... Я в норме. Там жила моя школьная подруга. Место преступления выглядело кошмарно, но я в норме.

– Могу дать тебе еще людей, если понадобится помощь, – сказал О'Коннор.

– Я справлюсь, – ответила Мосс, думая о распоротом теле Джессики Мерсалт. В той самой спальне Кортни Джимм, где Мосс мечтала сбежать из Канонсберга. Никто так и не покинул эту комнату. – Я в норме, – повторила она. – Займусь Патриком Мерсалтом.

– Что ты думаешь об этом деле? – спросил он.

Она вспомнила женскую руку в кровавой луже, отсутствующие ногти.

– Пока что похоже на домашнее насилие, – ответила Мосс. – Думаю, мы довольно скоро найдем Мерсалта – его фото во всех новостях. Вне зависимости от того, что с ним произошло во время миссии и как это связано с «Либрой», ты не хуже меня знаешь, что, скорее всего, все дело в деньгах, а может, в интрижке. Нечто неожиданное и жестокое, но вполне обычное. Он забрал их ногти. Не знаю почему. О дополнительных агентах подумаем, когда он будет под стражей. Ты же знаешь, главное – пропавшая девочка.

– Я видел оповещение о розыске.

– Думаю, интерес прессы только возрастет, когда фотография Мариан разойдется повсюду, – сказала она, зная, что интерес прессы – это анафема в КК ВМФ. – Но очень скоро кто-нибудь начнет наводить справки о Мерсалте.

– Мы уже этим занимаемся, – сказал О'Коннор. – ФБР готово посодействовать. Наши боссы переговорили и заключили соглашение. Они разберутся с запросами прессы и займутся поисками Мариан.

– Как раз сейчас идет пресс-конференция, – сказала Мосс, подумав о том, что ее мать наверняка смотрит.

Вот ведь дерьмо, ее мать – главная сплетница среди местной нищеты, вечно пересказывает новости про покалеченных животных, пожары и семейные стычки. Нужно ей позвонить. Ее мать вспомнит Крикетвуд-Корт, она ведь столько раз забирала дочь из дома лучшей подруги. Повесив трубку, Мосс позвонила матери. После двух гудков включился автоответчик.

– Мам, это Шэн, – сказала она. – Если ты там, возьми трубку. Я заскочу сегодня вечером. Не волнуйся из-за новостей. Скоро поговорим.

Тихонько постучав, Нестор открыл дверь кабинета.

– Пошли, – сказал он.

Мосс повесила трубку.

– Куда мы идем? – спросила она.

– Нашли пикап. Только что поступил звонок из патрульной машины в Западной Виргинии. Пошли.

* * *

Красный пикап принадлежал Эльрику Флису. Просроченные права, просроченные номера, адрес где-то в Бортоллоу-Форк около Маннингтона. Местные копы, похоже, его знали как пропойцу и драчуна, которого приходилось выгонять из баров, но без приводов. Ветеран Вьетнама, электрик без лицензии, работающий от случая к случаю за наличные. Нестор посадил Мосс в фэбээровский «Шевроле Субурбан», и как только низкие холмы Пенсильвании сменились более высокими западно-виргинскими, свернул на магистраль, чтобы избежать пробок.

Через час пути обсуждение Патрика Мерсалта сменилось болтовней о личном. Нестор был с юга Западной Виргинии, из бедной семьи. Прежде чем получить более стабильную работу криминалиста в полицейском департаменте Финикса в штате Аризона, он работал фотографом-фрилансером. В Западную Виргинию он вернулся, когда его отец был при смерти. Мосс осторожно рассказывала о себе – ей хотелось поделиться с Нестором, внимательным слушателем, но она знала,

насколько хрупка ее легенда.

– Я не очень-то разговорчива, – сказала она.

– Ты осторожна, и я это уважаю.

Они подъехали к перекрестку у Бартоллоу-Форк, и весь мир, казалось, остался где-то за спиной, поглощенный лесами. По мере движения Бартоллоу-Форк сужалась, вдоль дороги поднимались деревья, их тонкие стволы и ветви приглушали свет. Мосс вглядывалась через лес на стоящие в отдалении от дороги одинокие дома. Они миновали несколько домов из шлакоблоков, сайдинг пастельных расцветок выцвел и покрылся потеками воды из ржавых водостоков. Во дворах как будто устроили распродажу на блошином рынке. Мосс гадала, какие звуки издают деревья, когда качаются. К тому времени, как они пересекли деревянный мост над высохшим ручьем, дорога превратилась в проселок. Нестор свернул на колею среди зарослей.

– Я даже не вижу, где еду, – сказал он.

Колеса подпрыгивали на камнях и кочках, и машине приходилось возвращаться обратно на колею. Ветки тянулись к дороге и хлестали по стеклам.

– Стой-стой-стой, – сказал Нестор. – Вот и прибыли.

Когда они выехали на поляну, мелькнул красный цвет – багажник «Доджа». Старая модель, годов восьмидесятых, но подходящая под описание – вишневого цвета, не считая съевшей дверцы ржавчины, и среди десятка истертых и поцарапанных наклеек – флаг Конфедерации. «Юг восстанет». Писающий на логотип «Форда» мальчик. Револьвер с надписью «Эту машину охраняет Смит и Вессон». Рядом – самодельная стойка для оружия, сколоченная из всякого хлама, без оружия, но со следами использования.

– Взгляни. Что это? – спросил Нестор.

Мосс посмотрела в ту сторону, куда указывал Нестор.

– Что за... – выругалась она, выбираясь из машины.

В лесу стояли скелеты. Скульптуры. Оленьи кости, скрепленные проволокой, так что выглядели людьми с рогами и медными венами. Четыре скульптуры были подвешены к ветвям за лодыжки, с раскинутыми в стороны руками – распятие вверх тормашками. Рубеж, сразу пришло в голову Мосс. Этот парень знает о Рубеже. Дом был настоящими руинами, крыша провалилась, словно он растаял. Мосс последовала за Нестором по тропинке из полуутопленных в грязи валунов. У двери валялись кости грызунов, в основном сурков и белок. На траве разложены сушиться кости оленя.

- Думаешь, он здесь? – спросила Мосс.

- Не знаю. Машина здесь. Он мог пойти на прогулку.

- И зачем ему все эти кости?

Нестор засмеялся.

- Понятия не имею.

В нос Мосс и Нестору ударила вонь разложения, как накатывающаяся волна смерти. Мариан, подумала Мосс. Она вытащила оружие, Нестор тоже. Дверь представляла собой хлипкую антимоскитную сетку и лист покоробленной фанеры, засиженный мухами, которые с жужжанием разлетелись, стоило Мосс толкнуть дверь. Вонь здесь была такой тяжелой, что можно было почувствовать ее вес. Она обволакивала язык, щекотала нервные окончания и губкой разрасталась во рту. Смерть, влажные шкуры, дерьмо. У Мосс заслезились глаза.

- Мариан? – позвала она.

Воздух ожил и загудел – их с Нестором атаковали мухи. В комнате царил полумрак. Стены покрывал ковер из шкур – полосатые шкурки енотов, серо-стальные беличьи, коричневые – хорьков. И тут она поняла, что смотрит на фреску из шкур – долины и холмы и покрытые снегом вершины из белых кроликов. Горы, фреска с изображением гор из шкур.

- Мариан? – повторила она, и отравленный разложением воздух влился в легкие.

По ее губам проползла муха. Мосс дернулась и смахнула ее. Она боялась их, боялась того, что они могут значить, боялась обнаружить тело Мариан. Только не здесь, не здесь...

- ФБР, - сказал Нестор. - Федеральные агенты.

С поднятым оружием Мосс двинулась дальше, в следующую комнату. Она оказалась больше размером, с угловой кухней и телевизором с антенной-усами. Феодальные владения. Со стен и потолка свисали нацистские флаги. Черные, с белой эмблемой СС. А еще зеленые флаги с белыми оленьими головами, со свастиками между рогов. Безумец, решила Мосс, но она была напугана, словно нашла врата ада. Пол усеивали пустые банки из-под газировки, покрытые черными муравьями.

- Сюда, - сказал Нестор. - Сюда.

Увешанный разномастными зеркалами коридор вел в остальные комнаты. На полу лежало что-то, спеленутое в мешки для мусора, так густо кишашщее белыми личинками и мухами, как будто внутри шевелилось тело. Нестор обернул ладонь рукавом и потянул полиэтилен. Мосс ожидала увидеть бледное лицо Мариан, но там оказалась покрытая шерстью морда с красными беззубыми деснами и черными стеклянными глазами.

- Боже. - Нестор отпрыгнул. - Что это? Гребаный медведь?

Мосс пошла дальше по коридору, отражаясь в многочисленных зеркалах. Что это за место такое? Но на каком-то уровне подсознания Мосс узнала эту конструкцию, где-то теплились воспоминания. Зеркала в коридоре, ее отражения - что-то всплывало в памяти, и она вспомнила заснеженные вершины, как шла по собственным следам в оранжевом скафандре на ледяном ветру. Она миновала ванную, потом спальню - матрас на полу, в ногах валяется вещмешок. Зеркала привели ее к дальней комнате, хозяйской спальне, и, заглянув внутрь, она услышала собственный крик.

Мужчина повесился на сделанном из костей дереве, дереве-скульптуре из костей, железа и медной проволоки. Стены и потолок были покрыты зеркалами, так что повешенный отражался в бесконечных ракурсах. Он свисал с ветки-скелета, лицо раздулось, пунцовый язык вывалился наружу. Жирное белое тело

кишело мухами.

Мосс шагнула ближе, руки с пистолетом дрожали, и увидела свое отражение рядом с мертвецом. И тут ее затопило понимание, как будто она снова в том месте, а этот дом – и зеркальный коридор, и дерево из костей – изображают то, что Мосс так старалась забыть. Воспоминания о ее распятии, гул черной реки под головой. Эти комнаты – как указующий перст. Она вспомнила лед, вспомнила воздух, мерцающий вокруг, как зеркальная стена. Она видела дерево, когда была на Рубеже, дерево цвета выбеленных костей, бесконечно повторяющееся. Флис реконструировал сцену так, словно вытащил этот пейзаж из ее головы.

– Уходим, – сказал Нестор и положил руки ей на плечи, подталкивая к выходу. – Мариан здесь нет. Пошли.

* * *

Шериф округа Брук перекрыл доступ к дому на Бартоллоу-Форк, пока не прибыла мобильная группа криминалистов ФБР. Они вытащили из дома полуразложившуюся медвежью тушу и отволокли ее в лес и только потом сняли Эльрика Флиса. Из-за размеров тела этим занимались несколько человек. Медведя препарировали – сняли шкуру, вытащили кости и органы. Дом Флиса посчитали местом преступления, но все быстро пришли к выводу, что это было самоубийство. Он повисел на дереве из костей как минимум день.

Мосс смотрела, как выносят на носилках закрытое тело Флиса и грузят в «Скорую», чтобы перевезти в Чарлстон для вскрытия.

«На что я ни посмотрю, все превращается в лед», – думала она, и этот лед как будто надвигался из будущего. Мосс вошла в лес, и тропинка привела ее к четырем скелетам, подвешенным к ветвям за лодыжки. Они были сделаны с пугающим мастерством – обвивающая оленьи кости медная проволока напоминала кровеносную систему и мускулатуру. Откуда он узнал о Рубеже и повешенных? Мосс представила, как Патрика Мерсалта преследуют образы конца света, и он нашептывает о своих видениях Флису. А может, Флис и сам там побывал, может, он еще один внезапно воскресший астронавт с «Либры»?

Астронавты КК ВМФ нередко кончали жизнь самоубийством. Мосс несколько раз присутствовала на вскрытиях тех, кто повесился, вскрыл себе вены или выстрелил в висок – сломленные люди, не сумевшие вернуться в медленный ритм нормальной жизни. О'Коннор узнает, служил ли Флис в КК ВМФ, но Мосс все больше утверждалась в мысли, что это еще один «пропавший без вести». Она услышала шаги – это Нестор пробирался к ней через подлесок.

– Эй, ты как? – спросил он. – Ты так резко пропала.

– Собираюсь с мыслями. Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

Лоб Нестора пошел рябью, как от брошенного в озеро камня.

– Комната напомнила мне кое-что, о чем рассказывал отец, – сказал он. – Повторяющийся сон, который он называл «лес вечности». Слушай, давай отойдем подальше от этих скульптур, в общем, от всего этого.

Они пошли по тропе на опушке обратно к дому Флиса.

– И что за сон? – спросила Мосс.

– Мы жили в Твайлайте, маленьком шахтерском городке. Отец работал на шахте, и ему всегда снилось, что он во тьме. И он с криком просыпался посреди ночи. Я слышал, как он встает и заходит в мою комнату, садится на кровать и смотрит на меня. Мне было лет девять, и я просто надеялся, что он решит, будто я сплю, но он был пьян и начинал рассказывать, что остался в пещере и не мог выбраться из шахты, и тогда пополз глубже, пока не оказался в лесу. Он описывал деревья так, словно они росли в моей комнате, словно я мог к ним прикоснуться.

– Лес вечности, – произнесла Мосс.

– В лесу были двери, – продолжил Нестор. – И когда он открыл одну дверь и вошел, то оказался в новом лесу. Он говорил, что заблудился, и просил меня его найти. Я отвечал, что найду, и ждал, пока его сон развеется и отец уйдет. Он шел в ванную, а потом обратно в коридор. Я слышал его храп и понимал, что он заснул. Но я никогда не мог снова заснуть.

– Тебе было девять? – спросила Мосс, рисуя в воображении мальчика и его отца.

– Иногда он рассказывал о своем сне как о месте, куда можно пойти на самом деле, словно это вовсе не сон, и когда я увидел эти зеркала...

Мосс хотелось излить душу, но вместо этого она сказала:

– Не думай о Флисе и всем этом дерьме. Выбрось из головы.

Она собралась с духом, прежде чем вернуться в дом. Хотя непосредственные источники гниения и убрали, другие запахи никуда не делись: шкуры на стенах, тухлятина в мусорных ведрах. Криминалисты вытащили картонные коробки из шкафа. Мосс натянула латексные перчатки и стала копаться в содержимом. Она нашла альбом с пожелтевшими фотографиями. Вьетнам, четырехместный патрульный катер с синими надписями «Меконг» и «Рунг-Сат». Флот и Вьетнам – связь с Мерсалтом. Интересно, не вместе ли служили Мерсалт и Флис?

Спичечные коробки с мертвыми пауками и жуками, а один криминалист нашел набитую мертвыми птицами наволочку. Какая мерзость. Стены покрывало его «искусство», не только «фреска» из шкур, но и картины в рамах – дорисованные фотографии. Кадр из записи с убийством Кеннеди, того момента, когда в него попала вторая пуля, его розовое лицо откинулось вперед, как дверь на петле. Флис нарисовал вокруг головы Кеннеди ореол из буро-ржавой крови. На другой картине он дорисовал семь ореолов вокруг «Челленджера», когда тот взрывается облаком пыли и куски шаттла разлетаются по странным траекториям.

– Мы кое-что обнаружили, – сказал Нестор. – Вот тут.

Нестор работал в маленькой спальне, относительно чистой – матрас на полу заправлен, простыни и одеяло натянуты на углах. Здесь висела самая крупная из переделанных фотографий Флиса – вьетнамский патрульный катер с наклеенными на него обрезанными полумесяцем человеческими ногтями и когтями животных. На Мосс накатила тоска – она вспомнила о вырванных ногтях семьи Мерсалта. Картина имела табличку: «Корабль ногтей, несущий мертвецов».

– Надо полагать, Мерсалт здесь побывал. Это его вещи.

На матрасе было разложено содержимое вещмешка. Несколько тысяч долларов в пачках из двадцаток, одежда, туалетные принадлежности, пейджер. А еще двадцать четыре полароидных снимка с изображением женщины. Чернокожей и худой. Ее лица не было видно ни на одной фотографии. Красивая грудь, подтянутый живот. Мосс изучила гладкие темные контуры ее бедер, розовые открытые гениталии. Выглядело это скорее интимно, чем порнографически – фотографии, которые не увидит никто, кроме фотографа и объекта съемки. Сделаны они были, похоже, в фотобудке, не здесь. Может, во взятой напрокат будке.

Стены спальни – из грубо обработанных досок, прикроватный столик, пачка бумаги, телефон.

– Можешь опознать женщину? – спросила Мосс.

– Нет.

– И почему ты подумал о Мерсалте?

– Первые несколько цифр, которые мы извлекли из пейджера, были домашним телефоном Мерсалта, – объяснил Нестор. – Думаю, он звонил сам себе пару раз – убедиться, что пейджер работает.

Они вышли наружу. Нестор остался, чтобы присмотреть за сбором улик, но попросил помощника шерифа подбросить Мосс до Канонсберга. Небо уже начало приобретать кровавый цвет.

– Ты обработал фото катера? – спросила Мосс.

– Отпечатки пальцев? Ага. Наши ребята сняли отпечатки, посмотрим, нет ли там кого-нибудь из семьи Мерсалта, но это займет некоторое время. Мне кажется, вряд ли этот Флис способен убить трех человек без огнестрела. А ты как думаешь? Он явно не в форме, и поймать-то их не смог бы или отбиться, если бы они стали сопротивляться. Жена, Дамарис Мерсалт, сложена атлетически. Сын...

– Уверена, вскрытие покажет, что Флис мертв уже слишком давно, чтобы оказаться убийцей.

– А что за ерунду он написал на фотографии? Корабль ногтей?

– Корабль ногтей, несущий мертвецов, – сказала Мосс. – Я не знаю. Господи Иисусе, сегодня мы видели слишком много мертвечины.

– Ты веришь в Бога? – спросил Нестор.

– Что? – И тут она поняла, что упоминание Бога все же могло его оскорбить. Она знала в ФБР нескольких христиан-евангелистов. – Прости, я...

– Меня поддерживает только вера, – сказал Нестор. – Когда я думаю о мальчике и девочке, о Мариан. Это тяжело, но я верю в вечную жизнь и думаю о том, что Господь сейчас заботится о жертвах, это мне помогает. Помогает сосредоточиться. Я представляю их новую жизнь. А ты веришь в воскресение тела?

Мосс подумала о том, что все человечество засасывает в воронку к точке сингулярности.

– Нет, – сказала она.

Глава 3

Ее мать по-прежнему жила в Канонсберге, в том же доме, где выросла Мосс, – синем домике на крутых холмах к северо-востоку от Ист-Пайк, всего в нескольких кварталах от кондитерской фабрики «Саррис». Детство Мосс пропахло шоколадом. Она заехала двумя колесами на тротуар, повернула их и поставила машину на ручник. Потом по заросшей сорняками тропинке прошла к задней двери и открыла задвижку тем же ключом, которым пользовалась еще в школе.

– Мама? – позвала Мосс.

– Я здесь, наверху.

Мосс удивило, что мать дома – она считала, что та в баре Макгрогана. Почти каждый вечер после смены в колл-центре мать надевала вареные джинсы с обтягивающей майкой и отправлялась вниз по холму в бар – пешком, чтобы не приходилось беспокоиться, сможет ли доехать обратно. Все знали ее мать – она вечно слонялась по округе в поисках сигарет и выпивки, в свои сорок четыре года часто засиживалась в баре до закрытия, а потом болталась на пустырях вместе с остальными завсегдатаями, слишком нагрузившимися, чтобы идти домой. И так постоянно. Бар Макгрогана иногда был тихим – только бубнящий телевизор с новостями и болтовня с барменами, а в иные вечера было не протолкнуться, даже в туалет не войти.

У матери Мосс там был постоянный стул в углу, где она могла расслабиться, прислонившись к стене, и наблюдать за происходящим. На ее руках вздулись вены, волосы обесцвечены до цвета пшеничного хлеба, но на нее по-прежнему оборачивались в приглушенном освещении, стоило ей правильно одеться. Мосс смотрела на мать и видела себя через несколько лет. Ирония путешествий в НеБыТЬ заключалась в том, что в будущих временах тело Мосс старело, даже если в настоящем прошла всего секунда.

Биологический возраст Мосс достиг уже сорока лет, всего на несколько лет меньше, чем у матери. Они никогда не обсуждали возраст, но Мосс не сомневалась, что мать наверняка заметила уменьшающуюся разницу между ними, они выглядели скорее как сестры, чем как мать и дочь. Слишком пугающе и странно, чтобы это обсуждать. Но они все равно не сблизились, не возникло взаимопонимания – слишком разный опыт, слишком разная жизнь. Мосс была выше, энергичней, серьезней, а ее мать слишком выставляла себя напоказ, но в тех редких случаях, когда они выпивали вместе, окружающие приходили к неизбежному выводу, что они сестры.

Сегодня вечером ее мать сидела за кухонным столом, уже в пижаме, и листала «Ридерс дайджест».

– Не у Макгрогана? – спросила Мосс.

– Я оставила тебе курицу, если хочешь есть, – отозвалась мать.

– Я уже поела.

- Съешь еще. Шайнер сегодня притащила ту девицу, не знаю, где она ее нашла... Она из Файета, что ли. Не хочу с ними пить. А Деб решила пойти в новое место, я тебе про него рассказывала, как оно там называется? Я пыталась тебе дозвониться. В общем, я приготовила курицу.

- Я работала, - сказала Мосс.

- Искала ту девочку? Даже не верится, но в новостях говорят, что ту семью убили в доме Кортни Джимм.

- Да.

- В том же доме? Ты над этим делом работаешь?

- Похоже, семья пыталась продать дом. Это же не они купили его у Джиммов? Их фамилия Мерсалт.

- Нет-нет, наверное, арендовали, - сказала мать. - Ее брат, как там его зовут?

- Дэйви.

- Он же пошел в армию? Кажется, после переезда отца в Аризону он сдал дом в аренду. Я как-то наткнулась на Дэйви несколько лет назад - году в девяносто третьем? Или в девяносто четвертом? Он вроде сказал, что хочет оставить дом себе, получать с него доход. Я плохо помню, вечно забываю даже про то, что что-то забыла!

- Военные часто находят дома по рекомендации сослуживцев.

То, что преступление произошло в доме Кортни, выбило Мосс из колеи, синхронность кружев прошлого и будущего пугала, но она напомнила себе, что это лишь совпадение. Дэйви Джимм сдал дом в аренду, и в него въехала другая флотская семья - по рекомендации сослуживцев. Разговор с матерью все прояснил, как будто она пробудилась от неприятного сна и обнаружила по-прежнему нормальную реальность.

- Что там произошло? - спросила мать.

- Не знаю. Наверное, домашнее насилие.

- Кошмар. Я следила за историей пропавшей девочки в новостях, из-за Кортни... Она напомнила мне о Кортни.

- Мариан Мерсалт, - сказала Мосс. - Мне она тоже напомнила о Кортни. Ее волосы.

- Я как раз собиралась сказать о волосах. У Кортни были такие чудесные волосы, все эти кудри.

Раньше Мосс считала свою мать просто пьяницей и неудачницей, но теперь видела ее ранимость, это понимание пришло с возрастом, когда она повзрослела, - теперь она тоже имела раны и могла разглядеть их в других. Мосс попробовала курицу из полуфабриката, жесткую и сухую. В шкафчике она нашла ром и смешала его с вишневой колой. Мать налила себе водки.

- Но завтра я пойду к Макгрогану с Шерил, - сказала мать.

- Шерил с работы? Я думала, вы не ладите.

- В прошлом месяце я продала больше подписок и обещала, что возьму с собой Шерил, когда мне дадут сертификат на пятьдесят баксов. Кстати, я заметила, что твоя подписка на «Домашний помощник» истекла, и я подписала тебя на обновления. Это помогло мне оказаться наверху.

- Ненавижу такое.

- Дело не в этом.

В колл-центре ее мать продавала подписки на журналы. Мосс выпила ром с колой в гостиной и заняла свое место на двухместном кожаном диванчике, а ее мать развалилась на большом. Мосс и сама чуть было не устроилась на работу в колл-центр - мать уговорила менеджера, но Мосс профукала эту возможность. И эта профуканная карьера стала одной из немногих подлинных развилок на ее пути. Приятно думать, что вселенная множественна и состоит из бесконечного числа направлений, но развилок в ней действительно бесконечное число, это

Мосс точно знала, и это единственная возможность для большинства людей, в особенности для выросшей в бедности девочки. Если бы она пошла работать в колл-центр, то стала бы похожей на мать.

Из нее бы получилась неплохая алкоголичка. Колл-центр, бары и ночи, проведенные с любимым, готовым оплатить выпивку. Иногда она думала об этом образе жизни с отвращением, а порой даже мечтала о нем – просто жить обычной жизнью со стрессами и дерьмовой работой. На полке над телевизором стояла фотокарточка ее отца в рамке. Улыбка больше была похожа на ухмылку, но огонек в глазах намекал на то, что он всегда смеется, где бы ни был. Мосс выросла с этой странной, официальной фотографией отца, на ней он был моложе, чем помнила его Мосс. Он служил на флоте и на фотографии был в белом.

Когда она думала о колл-центре и о том, какой могла стать ее жизнь, или гадала, почему поступила в СУ ВМФ, то иногда говорила себе, что искала отца, но это была полная чушь, и Мосс это знала. Он уволился из флота еще до ее рождения, а семью бросил, когда ей было пять.

– Можем посмотреть «Секретные материалы», – предложила мать. – Ты же любишь этот сериал.

Субботние вечера принадлежали агенту Скалли, но сегодня повторяли эпизод «Падший ангел», где солировал Малдер, и Мосс сказала матери, что та может переключить канал, если хочет. Ее мать обожала новости. Программа новостей прервалась заставкой «Си-эн-эн» «Срочная новость». Заголовок «Смерть рэппера» был уже достаточно ясным, хотя за ним последовало название статьи из «Лос-Анджелес таймс» – «Убит известный исполнитель гангста-рэпа Б.И.Г.». Четыре пулевых отверстия в дверце черного внедорожника «Субурбан», огороженные полицейской лентой. Мать Мосс села.

– Вот блин, – сказала она. – Ничего себе. Надо позвонить Шелли. Она его обожает.

– Пожалуй, пойду спать, – сказала Мосс.

Мать жестом пожелала спокойной ночи, не отрывая печального взгляда от экрана.

Со временем мать переделала бывшую комнату Мосс в место для хранения всякого хлама, но принадлежавшая еще бабушке пружинная кровать сохранилась, а на полках еще стояло несколько старых книг – «Черный скакун», «Скачок во времени», несколько книг из серии «Выбери свое приключение» с загнутыми уголками страниц на сценах смерти персонажей. Кресло-качалка было завалено коробками с одеждой. Мосс выключила свет, решив, что сразу же заснет, но новость об убийстве рэпера ее взволновала, смешавшись с уже имевшейся на сердце тяжестью. Мир вокруг как будто растворялся. А с неба исчезали созвездия.

– Нестор, – произнесла она и подумала о бессмертии души и воскрешении тела, о наивности Нестора и невежестве его веры, но все равно пробовала его имя на вкус, с кончика языка и обратно.

В темноте спальни, в окружении знакомых теней, она воображала, что мир вокруг погребен под снегом и пургой, и единственное теплое местечко – под одеялом, где она свернулась калачиком. Она слышала приглушенный звук телевизора и голос матери, разговаривающей по телефону на кухне.

Звуки из детства. Достаточно легко убедить себя, что она по-прежнему ребенок, маленькая девочка в собственной постели, а вся ее жизнь – не более чем странный сон, и если она сейчас проснется, то станет на много лет моложе, и все будет как двадцать пять лет назад. Она чувствовала себя непрошеным гостем в своем же прошлом и дотронулась до бедра, пробежала пальцами по обрубку кости и шрамам на коже, напоминая себе, кем стала. Мать, видимо, обзванивает знакомых по поводу новостей по телевизору. Мосс любила звук материнского смеха и то, с какой легкостью та завязывает дружеские отношения, насколько открыто и без утайки отдает всю себя. Мосс же вечно устраивала осложнения.

Она ворочалась на кровати и размышляла. Снова вспомнила Нестора. Мосс никогда не умела завязывать ни к чему не обязывающие отношения, в отличие от матери, она была не из тех, кто бегаёт на свидания. Увлеченность Мосс развивалась медленно, а чувства всегда сопровождались шипами. Когда-то Нестор работал фотографом, так он сказал, и Мосс задумалась над тем, всегда ли он был таким набожным. Ее взбесило то, как он опустил смерти детей на уровень христианских банальностей по поводу вечной жизни, но она все же задумалась, есть ли у него женщина. Она попыталась вспомнить, носит ли он

кольцо. Нестор. Блики от фар на потолке, рассеченные оконной рамой, напомнили об отражениях Эльрика Флиса в зеркалах и скелетах на деревьях.

Корабль «Либра» пропал в «Глубоких водах», а исчезнувшие астронавты вернулись. Препарированный черный медведь, изъеденный червями. Мосс научилась одному фокусу, чтобы быстрее заснуть – представляла реку с черной водой. Она входила в воду голой – сначала по колени, потом по бедра, чернильная вода обволакивала белую кожу, живот, грудь, и как только вода смыкалась над головой, солнечный свет исчезал, и Мосс погружалась в глубочайшую тьму. И в тот момент, когда она тонула, Мосс засыпала.

* * *

Зазвонил телефон, ее сотовый на тумбочке у кровати.

– Алло, – ответила она.

– Это Брок.

В темноте парили красные цифры: два сорок семь.

– Один из наших только что звонил по поводу пейджера, который вы с Нестором нашли в доме Эльрика Флиса. Кое-что выяснили.

– Рассказывай.

– Мы нашли в пейджере сохраненные сообщения. Без номеров телефона, только коды. Пока что мы их не расшифровали, но некоторые повторяются – 143 и 607. Ребята говорят, такие коды означают сокращения для «Я тебя люблю» или «Я соскучился», что-то в таком роде. Их используют подростки.

Мерсалт и женщина с полароидных снимков назначали свидания, возможно, с помощью кодов, которые узнали от дочерей.

– У него была интрижка, – сказала Мосс. – Те двадцать четыре женские фотографии.

– Мы проверили звонки с домашнего телефона Мерсалта и нашли совпадения с пейджером, – сказал Брок. – Несколько раз, когда пейджер получал код 22, Мерсалт звонил в гостиницу «Блэкуотерс-фоллз», это в округе Такер.

Ущелье Блэкуотер находилось в национальном парке Мононгахила, любимом туристами из-за великолепных водопадов, жемчужин реки Блэкуотер. Мосс как-то останавливалась в этой гостинице на неделю и наматывала милю за милей по тропкам ущелья. Довольно изнурительно, с ее-то протезом, бродить по кочкам в поисках Красного ручья, впадающего в реку Драй-Форк, откуда ее спасли от неминуемой смерти на Рубеже. Она искала ту часть реки, где висела, и покрытое пеплом дерево, многократно повторяющееся выбеленное дерево, но так и не нашла нужное место. Летом она часто возвращалась в гостиницу у водопадов, блуждала по тропам и часами смотрела на потоки и водовороты водопада Элакала. Она напоминала себе о том, как прекрасен мир, хотя этот пейзаж постоянно всплывал в памяти пустынным и покрытым льдом.

– Эта гостиница в нескольких часах езды отсюда, но неплохое место для встречи, – сказала Мосс. – Романтичное и отдаленное.

– Мерсалт звонил туда с десятков раз, в последний месяц дважды. Я позвонил в гостиницу, но у администратора нет записей о постояльце по имени Патрик Мерсалт. С утра первым делом позвоню шерифу округа Такер, пусть пошлют туда кого-нибудь.

– Я подъеду, – сказала Мосс, сомневаясь, что сможет снова уснуть. – Я в Канонсберге. Могу туда приехать. Это все равно по дороге домой.

Ее мать храпела в комнате напротив. Мосс тихо спустилась, снова почувствовав себя подростком, прокрадывающимся из дома среди ночи. Она помнила, какие ступени скрипят, и знала, куда поставить ногу, чтобы сохранять тишину. Она сварила кофе на кухне и побрызгала лицо водой, чтобы проснуться. Мариан Мерсалт пропала уже три дня назад, в последний раз ее видели в пятницу, а через несколько часов наступит понедельник. Вместе с кофе Мосс проглотила аспирин из пузырька над раковиной. Она проехала по пустому семьдесят девятому шоссе из Канонсберга в Западную Виргинию, и всю дорогу в ее голове мелькали образы – «Челленджер» в бескрайнем небе, корабль мертвых, сделанный из ногтей, зимний лес. Асфальт шоссе заливали огни фар, и оно стало похожим на реку. Впереди выросли горы, но Мосс их не видела, они таились где-то в бездонной тьме, лишенной звезд.

Прорезающий сосновый лес серпантин привел к полупустой парковке с несколькими машинами. Гостиница была одноэтажной, с красной крышей и возвышающейся над входом каменной трубой камина. Мосс прошла через пустой вестибюль со скошенным потолком и кремовым кафельным полом. Стойка администратора из натуральной вишни купалась в ослепляющем флуоресцентном свете. Мосс несколько секунд помедлила у стойки, всматриваясь в пустой кабинет за ней.

- Есть кто-нибудь? - спросила она.

Она услышала бормотание далекого телевизора. Мосс проследила за источником звука до бара с разноцветными бутылками, выстроенными на зеркальных полках. Там в одиночестве сидела девушка и пила кофе, просматривая в журнале «Вог» статью о «Спайс герлс». Тоненькая, в гольфах до колен и вышитой юбке с лесными пейзажами - оленями, зайцами и полевыми цветами, в губе и брови серебряные колечки, пышные волосы с выбритыми висками покрашены в ярко-синий цвет.

- Прошу прощения, - сказала Мосс.

- Извините, - ответила девушка, - мне следовало находиться за стойкой.

- Вы тут главная?

- Хотите номер? У нас есть свободные.

Наверное, ей чуть больше двадцати, только что окончила колледж, а может, учится и подрабатывает. Тонкие черты лица и красивые темные глаза. Мосс показала удостоверение.

- СУ ВМФ, - представилась она. - Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

- Вы что, вроде копа? - спросила девушка.

- Следственное управление Военно-морского флота. Я федеральный агент и расследую преступления, имеющие отношения к ВМФ.

Это объяснение обычно успокаивало людей, боявшихся связываться с полицией. СУ ВМФ выглядело чем-то далеким и безобидным для людей, не связанных с вооруженными силами.

- Типа ФБР? – спросила девушка. – Недавно кто-то оттуда звонил.

- Я не из ФБР.

- Посмотрю, что смогу сделать. Если хотите, принесу что-нибудь выпить. Или кофе. Я как раз только что сварила.

- Кофе, спасибо. Обычно в такое время я сплю.

- Иногда я чувствую себя вампиром, – сказала девушка, направляясь за стойку, чтобы налить Мосс чашку кофе. Она вытащила сахар и упаковку сливок. – Кстати, меня зовут Петал.

- Петал? Прекрасное имя. А я Шэннон.

- Сегодня почти никого нет, – сказала Петал. – Я тут одна. Остальные появятся к завтраку.

- Вы постоянно здесь работаете? – спросила Мосс.

- По ночам – да. Две ночи в неделю, не обязательно подряд. Трудно планировать что-то в жизни, когда нет настоящих выходных. И скукота к тому же. Я рада вашему появлению, хоть какое-то занятие.

- Вы знаете кого-нибудь по имени Мариан Мерсалт? Или Патрик Мерсалт? – спросила Мосс.

- Никогда не слышала.

- Я думаю, Патрик Мерсалт часто здесь останавливался. Какие сведения вы храните о постояльцах?

– Как обычно, – ответила Петал. – Имя, сколько человек в номере. Всякое такое. Номер кредитки, если расплатились не наличными.

– Телефонные звонки из номера? Стоимость ущерба, если есть?

– Конечно.

Мосс показала Петал фотографию Мерсалта.

– Узнаете его?

Петал изучила фото.

– Нет, – сказала она. – Но я мало контактирую с постояльцами, в мою-то смену. Большинство приезжает до моего прихода, а уезжает, когда я уже ушла, и основную часть времени они проводят в лесу. Иногда я вижу их за завтраком, когда хожу в ресторан поесть.

– У меня есть даты, когда этот человек останавливался здесь в прошлом году, – сказала Мосс, – и телефон, с которого он резервировал номер.

– Телефон не особо поможет. Но даты – да, можем проверить по датам.

– Вы обычно ищете такие вещи на компьютере?

– Нет, – сказала Петал. – Наша компьютерная система почитай что не существует. Играли когда-нибудь в «Парные карты»?

Они уселись за стеклянный стол у разожженного камина, разложив перед собой по датам несколько папок. Каждая содержала кипу чеков от бывших постояльцев, некоторые написаны от руки. Мосс начала с самой тонкой папки, листая записи имен, номеров кредиток и номеров комнат – всё расплывалось у нее перед глазами. Никакого Патрика Мерсалта.

– Читайте имена вслух, чтобы я слышала, – попросила Петал. – Хотя нет, не надо имен, хватит и кредиток. У меня есть идея. Называйте последние четыре цифры, я запишу их, и мы проверим совпадения.

– Ладно, – согласилась Мосс, не привыкшая к подобной деятельности. Но Петал включилась в игру и уже держала наготове блокнот, открыв его на странице рядом с поэмой, которую сочиняла. Мосс читала номера кредиток, а Петал сверяла их со списком в поисках повторов. Так они трудились почти сорок минут, прерываясь, только чтобы подлить кофе.

– Стойте, стойте, как там последняя? – спросила Петал.

Мосс повторила номер.

– Ну вот, – сказала Петал. – Да. Мы нашли совпадение. Патрик Гэннон.

– Патрик Гэннон, – повторила Мосс.

Мосс записала номер кредитки, которой расплачивался «Патрик Гэннон». Он снимал не номер, а хижину на южном берегу ущелья, хижину номер двадцать два, тот же номер, что и код в пейджере. Она его нашла. Мосс проверила все чеки – там числилось два постояльца, но никаких данных о втором.

– В этой хижине есть что-то особенное? – спросила Мосс. – И что насчет этого Гэннона? Может, кто-нибудь из ваших коллег его вспомнит?

– Я спрошу, когда придет утренняя смена, – ответила Петал, собирая синюю шевелюру в узел. – Проверю файл двадцать второй хижины, посмотрим, есть ли какие-нибудь пометки.

– Вы учитесь в колледже? – спросила Мосс, когда Петал собрала все бумаги.

– Решила поработать несколько лет, не уверена, хочу ли учиться. Я хотела поехать в путешествие по Африке, но отец нашел мне эту работу.

– Подумайте о карьере в правоохранительных органах. У вас отлично получается, вы очень помогли.

Петал унесла папки с чеками обратно в кабинет администратора и вернулась к стойке, где открыла пружинную тетрадь с надписью «Хижины». Она полистала

страницы и просмотрела их.

– В 1983-м в двадцать второй гнездились осы. Похоже, их не трогали. – Она открыла другую тетрадь, озаглавленную «Клиенты», и выпалила: – Вот блин. Гэннон сейчас там. В хижине двадцать два.

– Сегодня?

Мосс ощутила укол адреналина. Она подумала о Мариан – а вдруг Мерсалт держит ее в хижине.

Петал проверила доску с ключами на задней стене, потом снова заглянула в тетрадь.

– Он зарезервировал хижину в пятницу вечером, а въехал в субботу, и всю неделю хижина будет за ним.

Зарезервировал в пятницу вечером – как раз когда пропала Мариан.

– Я должна туда сходить, – сказала Мосс, не желая терять ни минуты, если может спасти Мариан. – Я дойду туда по дороге от парковки?

– Отсюда около мили. В темноте непросто добраться, я могу вас подбросить.

Петал накинула пальто и повела Мосс через кабинет администратора к гаражу, где стоял забрызганный грязью гольф-кар. Они выехали к хижине по узкому бетонному серпантину, освещенному лишь тусклыми фарами гольф-кара. Мосс схватилась за перекладину, пока Петал быстро петляла на поворотах. Здесь небо было густо усеяно звездами, их не приглушали городские огни. Ясно сияли Орион и ковш Большой Медведицы, но на небе доминировала комета Хейла-Боппа, кусок космического льда с ярким хвостом – как клякса света.

У края ущелья стояли два десятка хижин, каждая в относительном уединении, за плотной стеной тсуг. В некоторых жили постояльцы, как догадалась Мосс по припаркованным машинам, но по большей части хижины выглядели пустыми – в марте еще слишком холодно. Петал подъехала к одной из дальних хижин.

– Вот двадцать вторая, – сказала она.

На гравийном пяточке стоял джип «Ранглер», на чехле запасной шины – эмблема организации помощи бывшим военнопленным. В хижине было темно, ее как будто поглотила ночь.

– Петал, подождите здесь, ладно? – сказала Мосс, выбираясь из гольф-кара.

Петал плотнее запахнулась в пальто и закурила. Мариан может оказаться здесь, думала Мосс. Она пошла по тропе к хижине. Ночь была такой плотной, что Мосс потеряла бы из поля зрения Петал и гольф-кар, если бы не оранжевый огонек сигареты, мерцающий, как светлячок. Мосс постучала в дверь и подождала несколько секунд. Внутри ни шороха, ни движения, свет тоже не включился. Она постучала громче.

– Специальный агент СУ ВМФ, – сказала она. – Мне нужно поговорить с Патриком Мерсалтом.

Тишина. Она расстегнула кобуру, чтобы оружие было наготове. Мосс снова постучала, и снова без ответа. А может, в хижине никого не было – Мосс наверняка бы услышала шорох, если бы там кто-то был.

– У вас есть ключи? – крикнула она, обернувшись.

– Да, – откликнулась Петал. – Придется мне открыть вам дверь. Я не могу отдать вам ключ.

Горящий кончик сигареты приблизился. Петал покосилась на связку ключей, выискивая ключ с номером двадцать два.

– Жаль, нет фонарика, – сказала она и шагнула к Мосс, нащупывая пальцами замок в двери.

Мосс услышала, как вошел ключ и щелкнул замок. Петал шагнула внутрь, и в нос ударил запах крови.

– Петал, не надо...

Петал щелкнула выключателем и закричала, увидев лужу крови, сигарета выпала у нее изо рта. Мосс обняла девушку за плечи и вывела из хижины.

- Тише, тише... Возвращайся в офис и позвони в 911.

- Я в норме, - сказала Петал, но голос истерично дрожал. - Все нормально, я просто не видела, не видела...

Мосс положила ладони ей на щеки, пытаясь успокоить.

- Послушай меня, - сказала она и почувствовала момент, когда Петал немного пришла в себя. - Возвращайся в офис, позвони в 911. Мой сотовый здесь не берет. Ты должна позвонить, ясно?

Мосс подождала, пока не затих звук отъезжающего гольф-кара, и вернулась в хижину. Она затушила тлеющую на полу сигарету Петал и закрыла за собой дверь. Внутри хижина была деревянной, с открытыми потолочными балками. Тело Патрика Мерсалта лежало у кровати, голова на матрасе, руки связаны сзади ремнем. Его застрелили в затылок, что-то вроде казни. Кровь выплеснулась из открытой раны на изголовье кровати и поблескивала на свету.

Мосс проверила хижину. Больше никого, ни следа Мариан. Мерсалт был здесь один. Она заметила на полу пистолет, «беретту-М9». Возможно, служебное оружие, подумала Мосс, гадая, принадлежал пистолет Мерсалту или убийце. Но даже если это было его служебное оружие, «морские котики» обычно предпочитали зиг-зауэр П-226. Мерсалт мог получить «беретту» в середине восьмидесятых. Старое оружие.

Она услышала пронзающие тишину сирены задолго до их появления. Первой приехала «Скорая» из больницы Броддуса. Мосс ждала снаружи и непустила фельдшеров, чтобы они не затоптали место преступления. Когда прибыл шериф округа Такер, Мосс попросила его вызвать по рации ФБР. Люди шерифа разбудили других постояльцев и записали их имена и контактные данные, спросили, что они слышали или видели. Приехала группа фэбээровцев из Кларксберга, они уже переговорили с Брокком, и тот спешил из Питтсбурга.

Сотовый здесь не работал, но Петал разрешила Мосс воспользоваться телефоном в офисе. Там было тесновато – крохотный металлический стол и календарь с водопадами в разные времена года. В это время О'Коннор наверняка спит, так что Мосс позвонила не в штаб-квартиру, а на домашний. Она представила, как он садится в постели – седые волосы, наждачка щетины – и пробирается по большому дому в Виргинии, чтобы взять трубку, пока звонок не разбудил молодую жену.

– О'Коннор, – ответил он.

– Это Мосс. Я его нашла. Патрик Мерсалт мертв. Я звоню из гостиницы «Блэкуотерс-фоллз» в Западной Виргинии. Он снимал здесь хижину.

– Самоубийство? – спросил О'Коннор.

– Его застрелили в затылок. Руки связаны за спиной. Похоже на казнь. Не думаю, что Мерсалт убил свою семью. Кто-то охотился на них и всех убил. И по-прежнему никаких следов его дочери.

– Поисками Мариан займется ФБР, – сказал О'Коннор. – Нас в основном заботит Патрик Мерсалт. И Эльрик Флис. Я поговорил со специальным агентом Нестором и нашел данные по Флису. Служил на флоте помощником электрика, на подлодках в конце семидесятых, с восемьдесят первого года в КК ВМФ. «Зодиак».

– «Либра»?

– Именно так. Нужно понять, что с этими людьми, почему они не были на корабле. Нужно разобраться с «Либрой». Завтра я встречаюсь с директором КК ВМФ, адмиралом Эннсли.

– И еще кое-что, – сказала Мосс. – Флис видел Рубеж или знал о нем, его дом... был украшен скульптурами повешенных. Думаю, он видел будущее. Помнишь, когда я потеряла ногу, у меня были видения по поводу отражений? Помнишь, я думала, что видела себя...

– Конечно, – ответил О'Коннор.

Тот период был болезненным для них обоих – рутинная тренировка в долине Канаан закончилась для Мосс потерей ноги. О'Коннор ужасно переживал, когда врачи больницы Уильяма Маккинли заявили, что ампутация – единственный способ спасти Мосс от гангрены, и лично присутствовал при двух операциях по ампутации ноги до бедра.

– Этот человек, Флис, сделал инсталляцию из отражений, – сказала она. – Я не могу этого объяснить, но он знал. Я считала, что Мерсалт не был на «Либре», отказался от назначения, но Флис знал о Рубеже.

О'Коннор помолчал.

– Нужно ускорить расследование. Дело расплывается как лесной пожар, нужно его обуздать. Придется отправить тебя в будущее.

При этих словах Мосс стиснула зубы, ее плечи напряглись. Путешествия в НеБыТЬ брали свою дань с ее тела годами жизни, проведенными в будущем. В прошлый раз, когда она туда отправилась, Мосс разорвала отношения с человеком, с которым планировала жить вместе. Но нельзя однажды утром уйти, оставив бойфренда в постели, и вернуться через неделю, состарившись на четыре года и отдалившись от него, ведь в ее сердце и мыслях это время уже далеко позади.

– Дай мне еще несколько дней, – попросила она. – У нас есть ниточки. Есть фотографии женщины...

– Я уже этим занимаюсь. Пришлось. Сначала объявился Мерсалт, а теперь еще и Флис. Это угроза национальной безопасности, Мосс. Нужно узнать, в чем дело, и поскорее. Нужно узнать насчет «Либры».

Через двадцать лет это расследование будет давно закрыто, все случившееся станет историей, и если повезет, убийцу Мерсалта и его семьи уже схватят, статус Мерсалта как пропавшего без вести получит объяснение, как и его связь с «Либрой». Мосс могла отправиться на двадцать лет вперед и найти файл со всеми ответами на вопросы, с разъяснением всех непонятных мест.

На столе стояла групповая фотография персонала гостиницы. Мосс увидела Петал, но волосы у нее были не синими, а натурального темного цвета, почти

черные. Мариан, подумала Мосс. Ты должна найти Мариан.

- Ладно, я полечу в будущее, - сказала она.

Она не могла отправиться в прошлое, чтобы предотвратить исчезновение Мариан и кровавое убийство ее семьи, но могла попасть в будущее, узнать, что случилось или могло случиться. Возможно, я сумею ее спасти, думала Мосс. Вдруг еще не поздно.

- Я полечу. Буду в Ошене ближе к полудню.

- Я все подготовлю, - сказал О'Коннор.

Мосс обнаружила Петал за стойкой администрации. Девушка явно плакала - ее глаза покраснели, но она взяла себя в руки. Мир настоящего, «твердая земля», уже казался Мосс смутным воспоминанием, словно стал далеким прошлым и покрылся туманом памяти. Даже Петал казалась человеком из воспоминаний. Мосс протянула ей визитку.

- Вот мое имя. Шэннон Мосс. Если кто-то из департамента шерифа или ФБР спросит вас о том, что произошло сегодня ночью, поговорите со специальным агентом Брокком из ФБР. Расскажите ему все.

- Брок, - повторила Петал. - Хорошо.

- Вы держались молодцом, - сказала Мосс. - Выше голову.

Мосс отъехала от гостиницы «Блэкуотерс-фоллз». Она включила радио, чтобы отвлечься от мыслей, и покрутила ручку в поисках каналов. Она слушала помехи, а наверху сияли звезды. Огромные небеса. Она вспомнила о женщине на полароидных снимках. Женщина встречалась с Мерсалтом, и она знала его очень хорошо, была с ним близка.

Кто она? Мосс думала об этой неизвестной женщине и о Мариан. А еще о поисковых отрядах, которые в ближайшие дни плотной сетью будут прочесывать лес в поисках следов девушки где-то среди сосен. Может, они ее найдут, выкопают тело Мариан, а может, найдут тело через много месяцев, обглоданное

животными, а может, не найдут никогда. По обе стороны от Мосс простиралось обширное темное море сосен. Она думала о Мариан. И о Кортни. Представляла, как Кортни пробирается одна, заблудившись в лесу, и Мосс видела ее четко, как живую. Белый силуэт среди темноты леса. Она шла как потерянная – так далеко от дома, в вечном лесу, потерянная навсегда.

Часть вторая

2015–2016

Я попрошусь на ужин призраков.

Август Стриндберг, «Соната призраков»

Глава 1

– «Сизая голубка», взлет разрешен.

– Вперед, – сказала я.

Заработали двигатели, меня вжало в кресло, «Сизая голубка» взяла разгон и поднялась в ночь. Под ложечкой засосало от крутого подъема. Земля стремительно удалялась. «Сизая голубка» тряслась, и я вместе с ней. Раньше во время подъема я отключалась, перегрузка оттягивала кровь из мозга, но теперь привыкла, схватилась за кресло и наблюдала уменьшающиеся внизу огни городов, которые превращались в тонкие клубки света, похожие на изящную сияющую паутину, а потом и вовсе исчезли из поля зрения, сменившись чернотой ночного океана.

– «Сизая голубка», приглуши свет, – попросила я.

Огни в рубке потухли, шлемный дисплей исчез, как и все облака или световое загрязнение, и появились звезды, бесчисленные сверкающие точки. Невыразимая красота.

«Птичка в воздухе, все системы работают нормально», – донеслось с вышки аэродрома. «Сизая голубка» взмыла еще круче, и вскоре я уже лежала на спине, уставившись вверх, а Земля осталась точно подо мной. Включились атомные двигатели, и перегрузка буквально расплющила меня, так что невозможно вздохнуть, но боль длилась всего несколько секунд, не больше тридцати, после чего «Сизая голубка» вырвалась из объятий земной гравитации, и я оказалась в невесомости.

Путешествие на Луну занимало всего несколько часов, но я не причалила в Черной долине, а на всей скорости миновала Луну. И когда ее серебристый диск уменьшился и потускнел, в бортовом компьютере «Сизой голубки» появились данные с вышки лунного космопорта, последняя проверка макромагнетического генератора квантовой пены Брандта-Ломонако. «Сизая голубка» вошла в ту область космического пространства, которую КК ВМФ называл «Опасной зоной», набитую Б-Л-узлами пространства-времени – нестабильными точками, созданными Б-Л-двигателями по пути в «Глубокие воды».

На панели Б-Л-двигателя зажегся зеленый.

Я посмотрела через иллюминатор рубки на Землю, как моряк, окидывающий последним взглядом берег. Земля в океане космоса. И в сердце защемило от чувства, до чего же хрупка жизнь, – в эти редкие моменты я ощущала духовный подъем.

– Март 1997 года, – произнесла я, напомнив себе о том, что вскоре покину, и щелкнула переключателем.

Включился Б-Л-двигатель, создав квантовую пену. На мгновение мне показалось, будто во мне заключены все варианты будущего, но эта сладкая меланхолия быстро растворилась. Квантовую пену невозможно описать – это система «кротовых нор», одновременно появляющихся и тут же исчезающих, все как и должно быть в планковском времени. Земля, Луна и звезды потемнели. Я оказалась в кротовой норе. В какую из тех, что создавала турбулентная пена, проникла «Сизая голубка», неизвестно, а каждая представляла собой туннель в

один из вариантов будущей вселенной.

Три месяца я буду идти сквозь квантовую пену, из всех огней вокруг – только огни «Сизой голубки». А снаружи лишь бесконечная темнота и пустота. Я отстегнулась, и в этой призрачной тишине щелчок прозвучал необычно. Я вплыла в более обширную секцию корабля с белыми вогнутыми стенами. Одинокое путешествие. Я читала и перечитывала заметки по делу, и пока тянулись дни, просматривала корабельную видеотеку, фильмы с Джин Сиберг и Брижит Бардо, «Шербургские зонтики», и слушала Роберта Смита, Шанайю Твейн и «Нирвану», а также классику – Рахманинова и Равеля. В отсутствие гравитации постоянная забота – уменьшающаяся масса мышц и костей, так что я ежедневно делала упражнения, пристегнувшись к беговой дорожке широкими наплечными ремнями, и шагала, прикрепив протез. На плоскость эклиптики взбирались длинные дорожки звезд.

Трехмесячное путешествие, чтобы переместиться на девятнадцать лет.

Я вздрогнула, услышав включившуюся сирену – предупреждение, что «Сизая голубка» получила сигнал с маяка Черной долины, а я оказалась уже в новой реальности. Я натянула скафандр и поплыла к рубке. В вакууме снова появилась Земля, как будто включили голубоватый светильник. Я сверилась со шлемным дисплеем: сентябрь 2015 года. Путешествие приближалось к концу, и я вздохнула с облегчением: пусть посадки и отличаются от взлетов, ничто не доставляет такую радость, как оказаться дома после долгого отсутствия. Хотя смотреть на Землю будущего – все равно что посмотреть в зеркало и увидеть там кого-то другого.

В два часа ночи игла «Сизой голубки» прошла над чернотой океана, приближаясь к аэродрому Аполло-Сусек со стороны Атлантики. Иллюминаторы рубки заливал дождь, раскачивались далекие огни кораблей на рейде, побережье Виргинии стало ярче, чем мне помнилось, даже в такую ненастную погоду.

– Прошу разрешения на посадку, – сказала я службе аэродрома. – Баклан-семь-ноль-семь-гольф-дельта, высота пятнадцать тысяч, данные по...

И после всплеска шумов женский голос:

– Баклан-семь-ноль-семь-гольф-дельта, посадку разрешаю, сверните влево на три-два-ноль и опускайтесь на девять тысяч.

Первые голоса по прибытии всегда звучат жутковато, эхом несуществующих звуков. В 1997 году женщина из диспетчерской могла быть еще ребенком, а то и вообще не родиться, если она совсем юная, а может, ей вообще не суждено родиться, ведь ее жизнь – лишь одна из вероятностей, вытекающих из ситуации в 1997 году, этот вариант будущего возник с моим прибытием и исчезнет, стоит мне улететь. Она лишь призрак в погоне за собственными возможностями.

До НеБыТи я считала путешествия во времени чем-то определенным, что мир будущего так же нерушим, как и прошлое. Я воображала, что знания о будущем помогут выиграть в лотерею, если увидеть выигрышные номера до того, как их вытащат. Это было до лекций в Черной долине, до изучения математических выкладок в брошюре, объясняющей физику макромагнетического генератора квантовой пены Брандта-Ломонако. Когда я упомянула о лотерее при инструкторе, он сказал, что каждый номер может быть потенциально выигрышным, пока его не вытянут. А то, что я наблюдаю в НеБыТи, это действительно результат лотереи, но лишь одна из вероятностей выигрышных номеров. «Иными словами, – сказал он, – не стоит делать ставки».

– Баклан-семь-ноль-семь-гольф-дельта, – сказала диспетчер, – полоса два-восемь-восемь открыта, веду вас на полосу два-восемь-восемь.

На моем скафандре мерцали отблески от дождевых капель. Я взялась за неоновые переключатели руля, корректируя курс. Реален ли этот день? Попасть в НеБыТЬ – это как заблудиться в доме с той же планировкой, что и в собственном, пытаюсь вернуться по не вполне знакомым коридорам, не вполне знакомым комнатам. Когда «Сизая голубка» закатилась в ангар, ее обступили техники в светоотражающих жилетах с аббревиатурой КСВ[2 - Командование сетевой войны, NETWARCOM.] и занялись Б-Л-двигателем, находящемся на корме корабля.

К рубке протянулся трап. По стеклу постучал один из техников.

– С прибытием на аэродром ВМФ в Ошене.

Я открыла верхний люк и сняла шлем, задержав дыхание в приступе иррациональной паники, боясь вдохнуть гипотетический воздух, сохраняя в легких последний кислород из баллона до тех пор, пока уже не могла терпеть. С непривычки гравитация потянула меня вниз, когда я отстегнулась и попыталась вылезти из рубки. Техник с нашивкой «КСВ» закинул мою руку себе на плечо и помог выбраться из летного кресла и спуститься по трапу. За три месяца на борту «Сизой голубки» я похудела, и протез плохо держался. Техник усадил меня в ожидающее кресло-каталку.

Мне показалось, что я лишь на мгновение закрыла глаза, но когда меня снова затопил свет, кресло уже выкатили из ангара, а мне поставили капельницу, чтобы восстановить водный баланс. Больничная палата. Два человека перенесли меня с кресла на твердый матрас, обращаясь со мной так, словно я весила не больше скорлупки. Я так устала, мое тело словно отказывалось подчиняться. Когда меня раздевали, снимая потный комбинезон и нижнее белье, меня затопила волна стыдливости. И прежде чем меня проглотила темнота, я успела сказать:

– Хотя бы переключите канал.

На плоском телевизионном экране показывали эпизод «Секретных материалов», который я еще не видела.

* * *

Когда ушел отец, мне оставалось две недели до шести лет. Мама перенесла в мою комнату кресло-качалку и сидела рядом, пока я не засну, каждую ночь рассказывала, как придет Песочный человек и впрыснет в мои глаза сны. Однажды я спросила, кто такой Песочный человек, и она объяснила, что это тень, крадущаяся по комнатам, когда спят дети, он приносит хорошим детям сны, а у плохих вырывает глаза. Когда я спросила, что Песочный человек делает с теми глазами, она ответила, что он приберегает их для еще не рожденных детей. Каждую ночь, закрывая глаза, я слышала, как мама раскачивается в кресле, и боялась, что Песочный человек вырвет мне глаза. И хотя я привыкла засыпать с мыслью о Песочном человеке, каждая ночь приносила новый страх.

Путешествия во времени пробуждали похожие страхи. Я побывала в НеБыТи уже семь раз, но так и не привыкла к ужасу очутиться в будущем, стать щепкой

реальности, проткнувшей мембрану сна. Все связанное с СУ ВМФ казалось похожим на сон, начиная с того первого мгновения на «баклане», когда я вместе с тренировочным классом испытала невесомость. Когда мы были в Черной долине, инструктора объясняли нам загадки Глубин времени, почему невозможно отправиться в прошлое, не считая редких случаев, называемых узлами пространства-времени и замкнутыми времениподобными кривыми, и почему можем попасть в будущее, но только в вероятное будущее.

Реально лишь настоящее, лишь настоящее – это «твердая земля». Нас предупреждали, что пока мы живем в НеБыТи, там, на «твердой земле», время не движется, и все же НеБыТЬ не существует в реальности, в объективном смысле. Нам объясняли, что мы воздействуем на НеБыТЬ уже даже тем, что наблюдаем ее, что она неуловимо воздействует на наши души, но с той же неумолимостью, как высокая гравитация искажает свет. Этот эффект называется фокусировкой. Странное чувство. Инструктор говорил, что НеБыТЬ – это как сон внутри сна. Однажды он спросил нас: «Что случится, если вы встретите кого-то в будущем и привезете его с собой на „твердую землю“? Что случится, если этот человек уже существует в настоящем?» В аудиторию вошел другой человек, точная копия инструктора, его отражение. «Тогда вы получите то, что мы называем дублем», – ответил двойник.

* * *

Я проснулась в больничной палате.

– Какой сейчас год? – спросила я медсестру, вошедшую, чтобы взять кровь на анализ.

– Две тысячи пятнадцатый.

– Сентябрь?

– Вы же не могли так долго проспать. Да, пока еще сентябрь.

Анализ плотности костной ткани, проверка зрения, МРТ. Физиотерапия для восстановления после трех месяцев, проведенных в невесомости, но я быстро учусь, а мое тело приспосабливается к новым движениям. Рутинные процедуры,

чтобы справиться с эффектами гравитации, не похожи на те, что последовали за ампутацией ноги, когда за много часов работы с физиотерапевтами я научилась обходиться без отсутствующей ноги. На «Сизой голубке» я серьезно потеряла в весе, точно не знаю сколько, но лицо осунулось, стали видны ребра, я будто уменьшилась в зеркале. Но зверский аппетит – ежедневные протеиновые коктейли, иногда и дважды в день – помог даже превысить рекомендованную норму калорий. Ведь три предыдущих месяца я питалась лишь протеиновыми плитками, русскими витаминными палочками и фруктовой пастой из тюбиков. Нужно набрать вес, чтобы выдержать обратный путь.

На пятый день в дверь тихо постучали. Я подумала, что это кто-то из больничного персонала для очередного анализа крови, но когда открыла дверь, там стоял крупный мужчина, слегка сгорбившийся с возрастом и лысый, не считая пушка на затылке и седой бороды. На нем был коричневый костюм с голубым платком в кармане, под цвет ярко-голубой рубашки. На лице расплылась теплая улыбка, словно из-за туч выглянуло солнце.

– Вот и вы, – сказал он. – Я прождал этой встречи почти двадцать лет.

Я узнала его. Тогда он был физиком среднего возраста и гигантского роста, со впечатляющим ирокезом на голове и тощим, как тростинка, в кардигане и больших очках в черной оправе, а теперь стал ниже и толще, а макушка гладкая, как речной голыш. Когда я впервые встретила его на учебном семинаре в Саванне, доктор Ньюку был уже знаменитым криминалистом, прославившись работой над делом Фарагера, которое определило политику в отношении «дублей» – двойников, прибывших из НеБыТи.

Астронавты КК ВМФ частенько совершали правонарушения, к примеру, воровали в НеБыТи деньги и наркотики для «твердой земли». Когда в 1991 году разразился скандал с изнасилованиями, в которых были замешаны бойцы КК ВМФ, они избежали последствий, поскольку считалось, что действия, совершенные в НеБыТи, нужно рассматривать как несуществующие. Работа Ньюку заключалась в том, чтобы изменить будущее.

Несколько лет он расследовал дело старшины Джека Джона Фарагера, который должен был выполнить одиночное задание в «Глубоких водах», но вместо этого отправился в ближайшее будущее и похитил там жен своих друзей, чтобы привезти дубли обратно на «твердую землю», изнасиловать и убить. Фарагера признали невиновным, но, опираясь на мнение Ньюку, суд решил, что дубли на

«твердой земле» нужно считать живыми людьми, обладающими правами нерезидентов. В результате Фарагер оказался под трибуналом и после серии апелляций получил смертный приговор.

– Доктор Ньюку, – сказала я, пожимая ему руку. – Какая честь. Я слышала ваше выступление в Саванне.

Его глаза светились жизненной силой, хотя двигался он с трудом. Негнущиеся колени и ортопедическая обувь. В руках он держал тонкий ноутбук и несколько конвертов.

– Аналогично, – сказал он. – Вы птица в полете, путешественница во времени, а все мы – просто призраки. Вот, я принес вам кое-какие подарки из дома. – Ньюку протянул мне конверт. – О'Коннор хотел отдать вам лично, но не смог приехать. Проблемы со здоровьем.

Путешествия в НеБыТЬ часто приводят к смертельным заболеваниям, но все равно всегда болезненно такое слышать.

– Мне жаль, – сказала я, не находя других слов. Я пыталась не представлять страдающего от боли О'Коннора и говорила себе, что каково бы ни было положение дел здесь, в 1997-м он по-прежнему здоров.

– У него бывают хорошие дни и плохие, – объяснил Ньюку. – Он живет в Аризоне, говорит, что сухой воздух помогает. Он так хотел снова вас увидеть, но иногда он... Иногда он даже не может говорить. Несколько лет назад он пережил серию инфарктов. Он прислал меня.

Нас учили не принимать подобные события как факты, не позволять тревожиться о том, чего может и не случиться. Как эта серия инфарктов О'Коннора. Я открыла протянутый мне конверт. Там были карточка «виза», водительские права и страховка. И пять тысяч долларов двадцатками. А еще тонкий сотовый телефон, похожий на карманный телевизор.

– Когда-нибудь пользовались банкоматом? – спросил Ньюку.

– Конечно, но мы путешествуем с наличными. Я взяла с собой достаточно.

– Воспользуйтесь дебетовой картой, у вас неограниченный счет, и избавите себя от бумажной волокиты, когда вернетесь домой. Ваш пин-код – 1234. Все зарегистрировано на то имя, которое вы назвали.

Права штата Виргиния, моя фотография из удостоверения СУ ВМФ, но на ней я брюнетка. Кортни Джимм. До отлета я попросила О'Коннора подготовить документы, зная, что буду путешествовать под другим именем. Прошло почти двадцать лет с тех пор, как я заполнила бумаги, и вот они здесь.

– Это одноразовый телефон, – сказал Ньюку. – Биоразлагаемый.

– Здесь нет Техносферы? – поинтересовалась я, памятуя о других вариантах будущего с нанотехнологиями, где воздух мерцал золотом, как будто наполненный мельчайшей пылью, создавая иллюзорные изображения, и где стоило назвать имя, как откликнулся нужный голос. В том будущем сотовые телефоны считались устаревшими.

– Нет, ничего похожего, – ответил Ньюку.

Мы выпили чайник улуна, посмотрели на его ноутбуке видеонарезку о произошедшем за эти годы, «Главные события конца XX века и начала XXI». Смерть принцессы Дианы и платье Моника Левински, гибель тысячи человек во время террористической атаки на Информационный центр криминальной юстиции. Как болезненно смотреть на охваченное пламенем здание, где я работала, на прикрытых простынями мертвых. Избрание Гора, обрушение башен-близнецов. Мир в Ираке, вторжение в Афганистан и Пакистан. Некоторые события были знакомы по иным вариантам будущего, но там они разворачивались по-другому.

– Что насчет Рубежа? – спросила я.

– Зарегистрирован в 2067 году экипажем корабля «Джеймс Гарфилд».

То есть он будет уже при моей жизни.

– Покажите еще раз отрывок про здание инфоцентра, – попросила я.

– Самый крупный террористический акт со времен взрыва бомб в Оклахоме. Больше тысячи жертв. Ужасный и печальный день.

Снимки из Интернета сразу после событий, лежащие на лужайке вокруг здания и на парковке мертвецы. Я гадала, кто из знакомых погиб. Мне пришли в голову Рашонда Брок и ее дети, Брианна и Жасмин, и я задумалась, не погибли ли они во время атаки, вспомнила Брока, открывающего дверь в комнату Кортни. «У меня две чудесные девочки», – сказал он. А в то утро могла исчезнуть вся его семья.

– Мой кабинет – в сгоревшей части, – сказала я, увидев почти на каждом снимке темный от дыма угол здания. С таким чувством смотришь на пепелище на месте родного дома. Я подумала о лицах, которые могла бы опознать. Рашонда Брок, бегущая по полным дыма коридорам в поисках детей. – Был, – поправилась я. – Я могла погибнуть во время атаки или погибла, вот только я знаю...

– Террорист-смертник работал в ФБР, его кабинет находился в здании, – сказал Ньюку. – У него был допуск.

Значит, террорист сейчас там работает. Я могла проходить мимо него по коридорам, возможно, даже имела с ним дело. Я не узнала его на фотографиях или по имени: Райан Ригли Торгерсен.

– Что произошло?

– Девятнадцатого апреля 1998 года Торгерсен появился на работе, как обычно, и прошел через пост охраны. Бомба была вшита прямо в тело, жуткая штука. И он уже некоторое время размещал в здании другие бомбы. Взрыв нанес определенные повреждения, но главное – Торгерсен наполнил систему пожаротушения заринном.

Зарин. Один вдох зарина – и смерть через несколько секунд. Я представила своих коллег в узких коридорах, а из потолочных спринклеров разбрызгивается зарин.

– Но почему? Каков мотив?

– Антиправительственная паранойя, – сказал Ньюку. – Скорее всего, его вдохновил Тимоти Маквей[3 - Тимоти Маквей – ветеран войны в Персидском заливе, организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 года) террористического акта в истории США – взрыва в федеральном здании имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года, унесшего жизни ста шестидесяти восьми человек.]. Торгерсен купил план здания инфоцентра у резервиста из Западной Виргинии. Видимо, решил, что разрушение инфоцентра нанесет удар по правительству и правоохранительной системе.

Ньюку снова наполнил чашки чаем и положил на столик два запечатанных конверта. Один был озаглавлен «Патрик Мерсалт», а второй – «Мариан Мерсалт».

Все надежды на то, что Мариан Мерсалт найдут живой и невредимой в тот промежуток времени между ее исчезновением и этим днем, при одном взгляде на ее имя тут же растворились. Я разорвала конверт с делом Мариан и вытащила тонкую стопку бумаг. Увидев фотографию частично закопанных фрагментов скелета, я заплакала, выплеснув всю боль, хранившуюся в сердце, с тех пор как я узнала о пропавшей девушке. Останки Мариан нашли летом 2004 года, она была закопана в лесах ущелья Блэкуотер.

На снимке этого места был ничем не примечательный участок почвы в зеленеющем лесу. На другом фото – кости в земле. Даже после обнаружения останков не появилось никаких подозреваемых, помимо ее отца, обвинения так никому и не были предъявлены. Ньюку собрал вырезки из газет того времени, бумага уже пожелтела. Знакомое фото Мариан из службы оповещения о пропавших. Несколько цитат из выступления Брока, подтверждающих уже известную версию – что Патрик Мерсалт убил жену и детей, а потом покончил жизнь самоубийством. Вот тут неясный момент – ведь Патрика Мерсалта явно казнили, это несомненно убийство. Я просмотрела новостные заметки и некролог. Когда нашли тело Мариан, объявились только дядя и тетя из Огайо, погоревали на публике, и все закончилось, о семье Мерсалта забыли.

– Здесь ошибка, – заявила я. – Патрика Мерсалта убили. Он не покончил с собой.

– Такое решение приняли СУ ВМФ и ФБР, версия для общественности и прессы. История об убийстве и суициде помогла избежать дальнейшего интереса со стороны. Мы продолжили расследование убийства Мерсалта, но так ничего и не выяснили. След остыл.

– Значит, ее нашли туристы.

– Размыло водой. Кости проступили на поверхность. Когда их обнаружили, один из наших снова обратился в ФБР, но для возобновления дела оснований не нашли.

– Она еще жива. Мариан, вероятно, еще жива в том времени, откуда я прибыла, – сказала я, откладывая бумаги в сторону, словно они были слишком хрупкими.

Я открыла конверт «Патрик Мерсалт».

Стрелок патрульного катера во Вьетнаме, связь с Эльриком Флисом подтверждена. Фото обоих на катере, Флис тощий и моложе, почти совершенно не похож на того тучного человека, которого сняли с дерева из костей. В конверте были фотографии комнаты с зеркалами и скульптур. Фото Кеннеди, «Челленджера», покрытого ногтями катера.

– Что насчет этого? – спросила я. – Как насчет отпечатков пальцев?

– Все принадлежали Эльрику Флису. Никаких ниточек.

– Есть догадки по поводу значения «корабля из ногтей, несущего мертвецов»?

– Это есть в заметках. Миф викингов, что-то о конце света.

Я нашла эту запись. Нагльфар – корабль из ногтей мертвецов, после конца всего сущего поплывет, чтобы сразиться с богами.

Еще одна пачка фотографий, копии двадцати четырех полароидных снимков, найденных в доме Флиса, из вещмешка во второй спальне: Николь Оньюнго.

– Женщину опознали? – спросила я. – Кто она?

– Через пару дней после обнаружения тела Патрика Мерсалта. Ее нашел специальный агент Филип Нестор с помощью гостиничных записей о номере машины. Он ее допросил, но она не имела отношения к убийству, не считая

интимных отношений с Мерсалтом. Связь с Мерсалтом длилась несколько лет, но она была шокирована и в ужасе от того, что он совершил и что случилось с его семьей. Как я помню, она очень тяжело восприняла новости о его смерти.

Николь Оньюнго работала медсестрой в хосписе «Доннел-хаус» округа Вашингтон, в штате Пенсильвания. Ее текущий адрес – квартира неподалеку от места работы, а в бумагах также были заметки о ее жизни и буднях. Похоже, почти каждый день она работала в «Доннел-хаусе», а потом шла в ближайший бар, «Мэйриз-инн», пила там и ближе к ночи возвращалась домой. В конверте была фотокопия ее водительских прав, выглядела она просто ослепительно. Глаза светло-орехового цвета. Я сравнила фото на удостоверении с сексуальными снимками – тот же оттенок кожи. Как ее угораздило завязать отношения с человеком вроде Патрика Мерсалта?

– Нестор ее допрашивал? Мне бы хотелось посмотреть на его записи, – сказала я.

– Можем с ним связаться, – предложил Ньюку. – Его так и не ввели в курс дела насчет «Глубоких вод», а несколько лет назад он ушел из ФБР. Кажется, торгует оружием.

– Нестор? – удивилась я.

Вполне обычное дело, когда агент ФБР начинает карьеру в другой области, пользуясь своими лидерскими навыками, находит высокооплачиваемую работу на какую-нибудь корпорацию, но продавать оружие – это странно. Не знаю почему, ведь я работала с Нестором всего один день и совсем его не знала, но с тех пор думала о нем с нежностью. Такой мягкий голос, фотограф. Мне хотелось отделить его от качков и любителей пострелять, сопутствующих такому занятию, но, может, я придумала себе Нестора. Или с тех пор с ним что-то произошло, и он изменился. Жизнь иногда заводит на странные дорожки. Я вспомнила историю Нестора о его отце, о дверях в лесу, ведущих в другие леса.

– Да, мне бы хотелось с ним связаться. Посмотрим, что он сможет рассказать.

– Хотите еще с кем-нибудь поговорить по поводу этого расследования? Можем найти нужных людей.

– С той женщиной, Оньюнго, – сказала я и подумала, что неплохо бы поговорить с Брокком, но Брок представлял для меня опасность.

Ему рассказали о «Глубоких водах», и в то время он знал о Глубинах космоса, а значит, вполне возможно, за эти годы узнал и о Глубинах времени. Нам велели избегать контактов с правительственными служащими или военными, которые понимают механику путешествий во времени и, увидев нас, сообразят, что их мир прекратит существование, стоит нам его покинуть. Я была знакома с одним агентом, она улетела в двадцать четыре года, а через несколько месяцев я встретила ее после возвращения на «твердую землю», усталую, истощенную и постаревшую. В НеБыТи кто-то из министерства внутренней безопасности посадил ее в тюрьму и держал там больше пятнадцати лет. То, через что ей пришлось пройти, мы называли «бабочкой под стеклянным колпаком», это одна из опасностей для работающих в Глубинах времени агентов. Если Брок знает про путешествия во времени, он может задержать меня здесь до самой смерти.

– Только с Николь Оньюнго и Нестором, – сказала я. – По крайней мере, для начала. Но я сама с ними встречу. Не хочу встречаться с ними как представитель закона. Они могут стать неразговорчивыми.

Дело уже двадцать лет как сдано в архив. И к тому же обескураживает, как мало было достигнуто за все это время, словно гибель семьи Мерсалт – простая вспышка насилия, гроза, которая прогремела и ушла. И все же кое-какую новую информацию удастся получить. Связаться с Нестором, связаться с Николь Оньюнго, лично с ней поговорить. Люди частенько готовы без утайки обсудить давнишние трагедии и могут сказать такое, о чем промолчали бы в разгар событий. Любовные связи и утраты. Люди, которые не хотели говорить тогда, сейчас могут разговориться.

Я снова полистала дело Мерсалта.

– Не очень много, – сказала я. Отлучка без разрешения, дезертирство. «Зодиак», «Либра». – А как насчет «Либры»? Есть какие-нибудь сведения? Или о «Зодиаке»? О'Коннор велел мне разузнать что-нибудь о «Либре» и почему там не оказалось Мерсалта и Эльрика Флиса.

– Ничего, – ответил Ньюку. – Их появление так и осталось загадкой. «Либра» числится утраченным кораблем.

Там лежал еще тонкий, прекрасно изданный буклет, на обложке эмблема Космического командования ВМФ – золотой якорь и канаты вокруг земного шара. Была там и вторая эмблема – женщина с развевающимися огненно-рыжими волосами, держащая в руке золотые весы, ее фигура очерчена похожим на домик созвездием.

ВМФ США, Космическое командование, список экипажа корабля «Либра».

Я нашла старшину первого класса Патрика Мерсалта, подразделение специального назначения, и его фотографию, он стоял на фоне американского флага, словно высечен из скалы, в бело-синей фуражке. Там был и Эльрик Флис, помощник электрика. Ничего похожего на тучного висельника, которого я видела, привлекательный, с полными губами и в очках с толстыми линзами, придающими ему ученый вид. Я вспомнила, что он время от времени работал электриком, а на фото он выглядел как прилежный студент накануне выпуска. Такого человека нетрудно представить паяющим материнские платы в опутанной проводами подвальной мастерской.

– СУ ВМФ нашло родственников всех членов экипажа «Либры», но мы задавали вопросы о призраках, – сказал Ньюку. – Мерсалта и Флиса посмертно объявили дезертирами. Мы решили, что их не было на борту «Либры» во время запуска.

Командовала «Либрой» Элизабет Ремарк. Я просмотрела ее послужной список. Университетский диплом, степень в области технических наук, полученная в Массачусетском технологическом институте. В волосах седина, короткая стрижка. Командование она получила молодой, она была 1951 года рождения, во время запуска ей исполнилось тридцать четыре. Синие глаза сочетались по цвету со звездно-полосатым флагом за ее спиной.

– Я знал командера Ремарк, – сказал Ньюку. – Она была моим другом.

– Вы вместе служили?

– Я служил на «Кансере». Ремарк была нашим старшим инженером и спасла нам жизнь. Командиром «Либры» ее назначили в награду за то, как она повела себя на «Кансере».

– Из всех кораблей миссии «Зодиак» вернулись только три, – сказала я. – «Кансер»...

– Нас запустили в 1984-м с намерением сделать пять отдельных забросок в Глубины времени, но Ремарк обнаружила проблемы в уплотнительных кольцах Б-Л-двигателя. Кольца оказались ломкими и не держали давление – обычное дело на кораблях той эпохи. Мы боялись, что двигатель может взорваться или отказать. Думали, что все погибнем, были просто уверены, что доживаем последние дни в плавучем гробу. Но Ремарк со своей группой принялась за работу. За месяц они совершили восемнадцать выходов в открытый космос и заменили что могли, а остальное подлатали. Командир отменил остаток миссии и приказал возвращаться домой. Двигатель продержался.

– Но ведь вы завершили переброску? – спросила я. – «Кансер», наверное, был последним кораблем, который видел будущее без Рубежа.

– Мы забрались на тысячу лет вперед, – сказал Ньюку. – И я видел... Чудеса, Шэннон. Чудеса, недоступные моему пониманию. Густые, как мед, океаны. Пятьдесят пять миллиардов человек, а то и больше. Пустыни, все занесено песком. Старые города исчезли, но возникли новые, в форме черных пирамид, стоящих на плечах тех, кто живет в их тени. Многие поколения рождались, жили и умирали под этими городами. И города двигались в поисках воды. Люди внизу голодали и ходили полуголыми, выживая на объедках и крошках живущих в пирамидах королей.

– Может, Рубеж – это избавление.

Ньюку вздрогнул, вернувшись от воспоминаний в действительность.

– Уверяю, богатые там неплохо устроились. Внутри пирамид были прекрасные сады с гротами и фонтанами. Наш экипаж пригласили внутрь, как заблудших детей, и с полнейшей расточительностью обеспечили всяческими благами. Там можно излечить любую болезнь, если есть на что. А некоторые люди полностью покинули тела и стали бессмертными, живут в виде световых волн, но, став бессмертными, они молят о смерти, потому что не ограниченная рамками времени жизнь становится бессмысленной. Я думал, что ад – это место, где нет Бога, но ад – это там, где нет смерти.

Ньюку наконец допил чай и посмотрел на часы – почти десять вечера.

– Вам нужно поспать, – сказал он, – но мне хочется узнать кое-что. Ваши последние воспоминания перед тем, как вы попали сюда?

– Комета Хейла-Боппа на небе.

Задумчивый вид Ньюку сменился улыбкой.

– Ну конечно, конечно, я помню, очень хорошо помню то время. Запуск ведь был в марте, так? В 1997 году, бог ты мой. Я тогда работал в бостонском офисе, значит, там, на «твердой земле», я до сих пор в Бостоне. Я сотрудничал в одном проекте с физиками из Массачусетского технологического. Обрушение волновой функции. Узлы пространства-времени Брандта-Ломонако. И всего через несколько недель я познакомился с Джейлой... Она преподавала игру на саксофоне и периодически играла в трио. Помню, как смотрел ее выступление, помню ту музыку, как ее пальцы нажимали на клавиши, звук ее дыхания. Мы женаты уже семнадцать лет, но я помню то время.

– Так значит, на «твердой земле» вам остается прожить всего несколько недель до того момента, когда ваша жизнь навсегда изменится.

– Чудесно, Шэннон. Чудесная мысль.

– Готова вас освободить, – сказала я, когда мы пожимали друг другу руки на прощанье, традиционная фраза астронавтов КК ВМФ при расставании, негласное признание, что после моего возвращения домой на борту «Сизой голубки» вся жизнь Ньюку после марта 1997 года исчезнет во мгновение ока, вся его вселенная, вся эта НеБыТЬ испарится со скоростью мелькнувшей мысли. Но Ньюку не ответил традиционным «Готов освободиться», а лишь улыбнулся.

– Трудно признать, что жизнь – это лишь иллюзия, – сказал он. – Служишь ты в СУ ВМФ или в КК ВМФ, но как только тебя посвящают в секреты «Глубоких вод», ты соглашаешься с тем, что однажды можешь расстаться с жизнью ради страны и теоретически в любой момент можешь узнать, что вся твоя жизнь – лишь иллюзия. Ты пытаешься это осмыслить, твердишь себе, что солдаты отдают жизни ради страны, как и полицейские... Отдают свои жизни ради высшего блага... Но все же, хотя я знаю физику этого процесса, на каком-то уровне я

отказываюсь поверить, будто встреча с вами, Шэннон Мосс, будет означать, что вся эта вселенная – просто игрушка и исчезнет вместе с вами. Когда О'Коннор направил меня к вам, он словно подписал мой смертный приговор. Вы можете это понять? Я женат, у меня дети, они уже выросли и скоро заведут собственных детей, но все счастливые моменты моей жизни омрачены пониманием, что это не по-настоящему.

– Но там, откуда я прибыла, вы вполне реальны. И еще можете прожить ту же жизнь.

– Доктор Уолли Ньюку, возможно, и реален, и через несколько недель встретится с Джейлой, как вы и сказали, и даже может завести семью, но это будет другая семья. Каковы шансы на то, что определенный сперматозоид оплодотворит определенную яйцеклетку? У Ньюку могут быть дети, но они будут другими, не моими. Он будет счастлив, но не таким же образом.

– Я знаю. Я понимаю, правда.

– Но я пришел, согласившись с тем, что моя жизнь – иллюзия. Вы когда-нибудь видели цветок под названием «падающая звезда»? Я видел однажды, несколько лет назад, летом. Я гулял с Джейлой, мы проходили мимо соседского сада, и он как раз начинал распускаться. Джейла показала мне цветок, и я был заморожен. На одном стебле были идеально симметричные бутоны огненно-оранжевого цвета. Меня поразило, что первые два бутона, у основания стебля, уже распустились, следующие два только начали, следующие за ними были еще меньше и так далее до самого кончика стебля, где находились два сомкнутых бутона. Цветок называется крокосмия «Люцифер», но Джейла знала его под именем «падающая звезда». Насколько я понимаю, физики считают этот мир чем-то вроде симптома коллапса волновой функции, некой квантовой иллюзией, краткой паузой в неопределенности, но я предпочитаю считать себя и все свои копии «падающей звездой» – все изменения всех вариантов и решений существуют одновременно и вечно. Весело и с песней – разве не так говорят настоящие моряки? Ничто не исчезает и не кончается. Все существует вечно. Жизнь – всего лишь сон, Шэннон. А личное «я» – всего лишь иллюзия.

* * *

На следующее утро я покинула Ошену в выданном мне бежевом седане. От аэродрома я поехала на север, через округ Колумбия, чтобы попасть на шоссе Пенсильвания – Запад, и по дороге думала о «падающей звезде». Машина была электрической, на батареях, и двигатель работал бесшумно, поэтому я все время дергалась, опасаясь, что переключилась на нейтралку. Кофеин помог преодолеть чувство, будто я хожу во сне, – я купила стакан кофе в «Старбаксе» неподалеку от торгового центра во Фредериксберге. По радио звучала кантри-музыка, песни, которые я никогда прежде не слышала, а может, и не услышу, но в горах на FM-диапазоне она сменилась на помехи, и я нашла станцию на средних волнах, где говорили о Воскресении. «Веришь ли ты в воскресение тела?» – когда-то спросил меня Нестор.

Я проехала через туннель в Аллеганах. Одинокие дома, разрушенные сараи для сушки табака. Я смотрела, как над коническими крышами, похожими на солонки, кружат соколы. Как выглядела эта поездка в предыдущий раз – я ехала здесь в моем мире меньше года назад, а здесь прошло почти двадцать? Каким был пейзаж? Я пыталась вычислить, что появилось нового, а что исчезло. Замусоренные дворы и дома за ржавыми заборами. Вышки коммуникаций, белая церковь в долине у Бризвуда. Обновленные сервисные мастерские, сенсорные туалеты, которые спускают воду сами. И двигатель можно зарядить от сети.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод М. Лозинского.

2

Командование сетевой войны, NETWARCOM.

3

Тимоти Маквей – ветеран войны в Персидском заливе, организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 года) террористического акта в истории США – взрыва в федеральном здании имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года, унесшего жизни ста шестидесяти восьми человек.

Купить: https://tellnovel.me/ru/sveterlich_tom/ischeznuvshiy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)